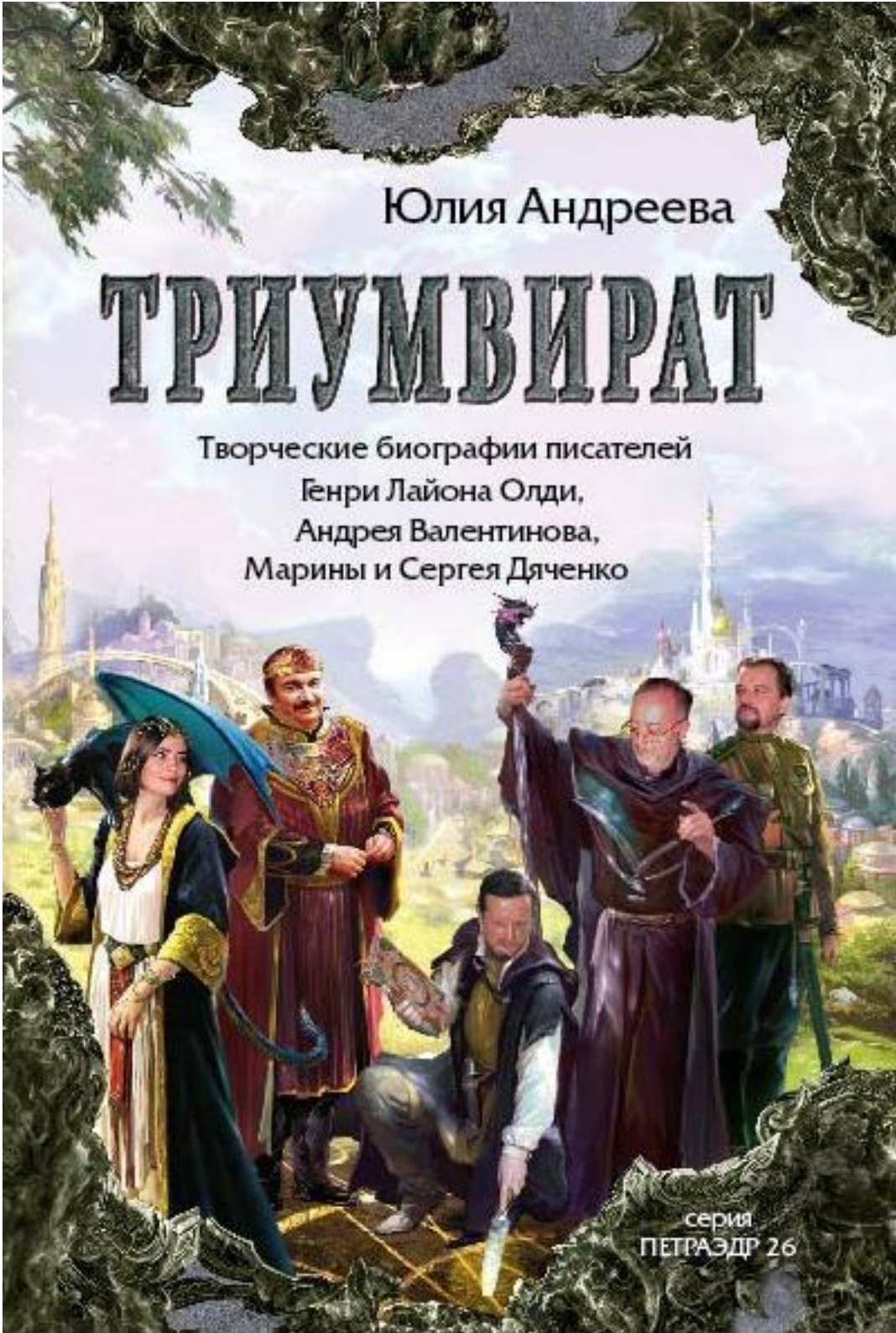

The book cover features a detailed illustration of five characters in a fantastical setting. On the left, a woman in a white and gold dress with a blue cape holds a blue umbrella. Next to her is a man in a red and gold robe. In the center, a man in a dark blue and white robe is kneeling. To his right, a man in a purple robe holds a small dragon aloft. On the far right, a man in a green military-style uniform stands. The background shows a city with tall spires and a bridge. The entire scene is framed by a torn, parchment-like border with green foliage at the top and bottom.

Юлия Андреева

ТРИУМВИРАТ

Творческие биографии писателей

Генри Лайона Олди,
Андрея Валентинова,
Марины и Сергея Дяченко

серия
ПЕТРАЭДР 26

Юлия Игоревна Андреева
Триумвират. Творческие биографии
писателей-фантастов Генри
Лайон Олди, Андрея Валентинова,
Марины и Сергея Дяченко

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6277901

*Триумвират: Творческие биографии писателей Генри Лайона Олди, Андрея Валентинова, Марины и Сергея Дяченко: АураИнфо, Издательство Андрея Буровского; СПб, Красноярск; 2013
ISBN 978-5-98673-049-3*

Аннотация

Новая биографическая книга Юлии Андреевой посвящена жизнеописанию замечательных людей, составленному в тесном сотрудничестве с ними самими.

Люди эти — наши современники, писатели, создатели миров, именитые и знаменитые фантасты Украины: Генри Лайон Олди (Дмитрий Громов, Олег Ладыженский) Андрей Валентинов, Марина и Сергей Дяченко.

Тесное сотрудничество автора и героев этой книги позволило насытить ее малоизвестными фактами, фотографиями из семейных архивов, занимательными подробностями личной жизни и рекомендациями по возрождению из собственного пепла.

В чем секрет успеха каждого из этих людей? Понятно, что в труде и таланте, но все-таки?

Прочитав книгу, вы это узнаете. Путь каждого из них тернист и ярок (и еще не закончен, к великой радости для нас с вами!), обильно полит потом, а иногда и слезами... Сколько же, оказывается, времени, энергии и нервов нужно бросить в алхимический котел, чтобы в результате эксперимента блеснуло золото королей, пролился мед поэзии!..

Итак, мир фантастики, три имени, пять судеб, сотни произведений, миллионы фэнов — встречайте: Триумвират.

Содержание

Часть первая	4
Детство	5
Олег	5
Дима	8
Юность Димы, или химия — в жизнь	11
Юность Олега	13
Ваш выход	17
Пора взрослеть	18
Фейерверк над Бекдашом	21
Светлое будущее	22
Первоапрельские тезисы	23
Как родился мистер Г. Л. Олди	25
И вновь колес прощальный стук...	26
За кадром	27
Обратная связь	29
Труднее всего — делать	31
На взлет!	33
То яма, то канава...	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юлия Андреева
Триумвират
***Творческие биографии писателей-
фантастов Генри Лайон
Олди, Андрея Валентинова,
Марины и Сергея Дяченко***

Часть первая
ОЛДИ

**ОЛЕГ
ДИМА**

Уважаем талант, преклоняемся перед добротой, восхищаемся любовью. Потрясены искренностью, умением прощать, бескорыстием. Ненавидим ложь, подлость, предательство. Брезгливы к гордыне. Терпеть не можем снобизм.

Г. Л. Олди

Детство

Г. Л. Олди — это не просто арифметическая сумма Громова и Ладыженского. Но и отнюдь не личность, хотя у нас давно чешутся руки написать «автобиографический» роман о маленьком Генри и периодах его взросления. Городок Вестон-Супер-Мэр, семья проповедника-миссионера, отъезд на Тибет с миссией, интерес к буддизму, побег с опшумным караваном в Пакистан... Впрочем, хватит. Мы оба — люди достаточно разные по вкусам, темпераменту, формам поведения, предпочтениям в музыке и литературе, жизненному опыту, среде и так далее — вот все эти полюса и переплавляются в Олди, давая новое качество.

Чему мы очень рады.

Г. Л. Олди, из интервью «Фантастика — литература свободных людей»

Олег

— Драться вас и без меня научат. Я буду учить вас думать.

— Не по правилам?

— Не по правилам, — без тени усмешки ответил кентавр.

Г. Л. Олди, «Герой должен быть один»

«Все началось с того, что я родился», — предваряет рассказ о себе Олег Ладыженский. Что ж, событие более чем значимое, как для ГГ, так и для мира фантастики в целом. И мы его ни за что не пропустим, а даже поясним: родился Олег Семенович Ладыженский 23 марта 1963 года в Харькове, в семье артистов эстрады Семена Моисеевича Ладыженского (конферанс, музыкальные куплеты и пародии; эстрадная драматургия) и Риммы Михайловны Ладыженской (конферанс, иллюзия, т. е. фокусы), в девичестве Речицкой. Как правило, в артистических семьях судьба ребенка predetermined заранее. В большинстве случаев — задолго до его рождения. Он пойдет по стопам своих родителей, а как же иначе? На то и гены, чтобы, не отклоняясь от курса, ребенок мог с закрытыми глазами найти свою дорогу. Хотя почему же с закрытыми, когда с самого раннего возраста малыш слушает декламации мамы на кухне, видит отца, сочиняющего очередной монолог или играющего на рояле, наблюдает из-за мягкого бархата кулис концерты и театральные постановки, сам не всегда толком различая хрупкую границу реальной жизни и мира сцены. Вокруг эстрадного, театрального или циркового ребенка мелькают люди во фраках и «тройках», коронах и чалмах, в платьях сказочных фей и обмундировании всех на свете армий. Постепенно он привыкает общаться с королями и шутами, засыпая не в девять вечера, сразу же после программы «Спокойной ночи малыши», как его сверстники, а с боем полуночных курантов, наблюдая побег с бала очередной загулявшей золушки или явление тени отца Гамлета прямо в мертвецком гриме и с беломориной в зубах...

Сон, бред, театр.

Тихо, на цыпочках, «дыша духами и туманами», к кровати маленького Олега подходит мама. Она стоит какое-то время, прислушиваясь, гадая про себя: спит он или притворяется? Взошла луна, а гости хотя и говорят значительно тише, но все же не расходятся по своим домам и гостиничным номерам.

Мальчик засыпает под страшную сказку о взывающем к отмщению короле-призраке, мучаясь вместе с Гамлетом над извечным «Быть или не быть?», чтобы, очнувшись утром,

решить спор жизни и смерти в пользу жизни! — приняв в будущем, как аксиому, девиз баронов Монморанси: «Делай, что должно — и будь, что будет!» Не ожидая никакой награды... ну, разве что совсем немного: лишнего выходного для родителей и саблю лично для себя.

Впрочем, я забегаю вперед. Итак, Олег родился 23 марта 1963 года — и четырех лет отроду впервые поехал на гастроли. Разумеется, не на свои. На гастроли в составе «бригад» от самых разных филармоний (включая, скажем, Дагестанскую (г. Махачкала)) выезжали его родители. Олег должен был ехать вместе с ними. Да что там должен?! Рад и счастлив, а как же иначе?!

Навсегда Олег запомнит поезда и гостиницы. За несколько лет они объездили Россию, Украину, Прибалтику, Кавказ, часть Средней Азии... Знаменитые певцы, танцоры и актеры, кумиры миллионов были для мальчика «дядей Вадиком» и «дядей Зямой». Кочевая жизнь артистов завораживала. Запомнилась электрическая плитка, на которой родители готовили маленькому Олегу манную кашу. В гостиницах держать плитку было категорически запрещено. Ее приходилось прятать, в случае опасности немедленно открывая все форточки и крутя над головой полотенцем, чтобы прогнать кухонные запахи. Все это было очень весело и похоже на игру. Однажды Олег так и сказал женщине-администратору: «У нас есть плитка, но вы ее ни за что не найдете!» К счастью, работница гостиницы оказалась дамой с пониманием и чувством юмора. Любимое лакомство детства — жареный лук, обычный репчатый лук, который готовили на постном масле. Поджарить завлекательно пахнущий лук в гостиничных условиях — штука невыполнимая, но родители все равно нарушали правила, поддаваясь на уговоры любимого дитяти. Любимого и такого слабенького, болезненного. В детстве Олег перенес несколько воспалений легких подряд, так что родители не знали, как и оберегать его от извечных сквозняков.

Однажды мама делала больному температурающему Олегу водочный компресс. Мальчик попросил воды, и мама, перепутав чашки, дала ему водки. Олег хлебнул, зайдясь жутким кашлем. Горло обжигало огнем, слезы брызнули из глаз, сделалось нечем дышать. Он подумал, что умирает, а наутро проснулся совершенно здоровым. С тех пор Олег понял нехитрую истину: «Если в меру, то на здоровье!»

Как-то раз, в Сочи, родители потеряли маленького Олега. Направо, налево — нет малыша. Что делать? Тут из-за угла отеля выходит абхазский аксакал, лет ста отроду: пиджак, седая борода, папаха. Идет чинно, руки заложены за спину — не идет, шествует, хозяин местной горы, да и только. А рядом, точно так же заложив руки за спину, не менее чинно и степенно движется пятилетний Олег. Причем не просто идет, а они со старым аксакалом мирно беседуют о чем-то: старик по-абхазски, малыш по-русски.

Красивая сцена, хоть сразу в театр.

Вообще в семье знали много такого, о чем соседские мальчишки — да, скорее всего, и их близкие — не подозревали. Так дед Олега, Моисей Григорьевич, обожавший своего единственного внука — сестра Олега, Алина Ладыженская, родится через тринадцать лет после рождения старшего брата — к трем годам научил ребенка читать. Любимая игра деда — Моисей Григорьевич открывал наугад страницу книги, давал 10–20 секунд посмотреть на нее и тут же закрывал, спрашивая, что Олег запомнил. Сначала игра показалась сложной, но вскоре Олег научился выхватывать не только контекст, а запоминал написанное целыми абзацами. К четырем годам он уже читал бегло, да и память у него обнаружилась феноменальная, что вполне можно было расценить как своеобразное чудо. Впрочем, никто не собирался публично демонстрировать способности новоявленного вундеркинда, справедливо ожидая от него большего.

Однажды в школе замечательная память Олега сыграла с ним злую шутку, вызвав негодование учительницы и последующий вызов родителей. Было это так: задали детям учить наизусть традиционное: «У лукоморья дуб зеленый». Олег к тому времени успел освоить «Руслана и Людмилу» целиком. Поэтому, когда на следующий день его вызвали к доске отвечать, он сначала с выражением прочитал текст вступления в поэму, а затем, когда ему уже поставили заслуженную «пятерку» и велели садиться на место, запротестовал:

«Да, вы что, с ума сошли? Там дальше самое интересное!..»

За свою школьную жизнь Олег успел отучиться во многих школах: 68-й, 17-й, 1-й, 133-й, 5-й... Кажется, были еще какие-то школы в его послужном списке, но должно быть, там он пробыл совсем чуть-чуть, так что они не запомнились. Весь этот калейдоскоп учебных заведений был связан с гастролями, куда Олег беспрестанно уезжал с родителями. А 17-ю школу взяли и расформировали, когда Олег закончил восьмой класс. Впрочем, учился он хорошо, на одни пятерки, характер имел спокойный, так что у педагогов особенных претензий к мальчику не возникало.

Когда Олегу исполнилось двенадцать лет, он вдруг осознал, что одноклассники нет-нет, да и обзовут его «жиртрестом». Обзывались мальчишки вполне заслуженно. Без сомнения, у нашего героя наличествовала «проблема лишнего веса» в довольно запущенной степени — но не от болезни, а от любви.

Это добрая, хозяйственная бабушка вкусно кормила своего любимого внука манной кашкой с вареньем, которое тот обожал. Ну и всем остальным кормила от души. Результат — бедра заметно шире плеч. Опять же, раздраженные вопли физрука (и военрука!) о своем нежелании тренировать слонов и бегемотов. В сочетании с близорукостью — ну просто мишень для злых языков.

Поняв, что дальше так продолжаться не может, Олег принял решение, которое привело в ужас всю семью: пошел заниматься дзюдо.

«Тебя же там уронят, поломают, обидят...» — голоса, полные заботы и участия, звучали отовсюду. Семейная трагедия! Но созвучно им уже долетали из далекого будущего (из еще ненаписанного Г. Л. Олди романа «Герой должен быть один») полные тревоги слова Алкмены: «Но ведь старшие мальчики будут их обижать!»

И дальше:

«Амфитрион встал. Будут, — тихо ответил он... Обязательно будут. Я очень на это надеюсь».

Тихий, спокойный мальчик в очках с толстыми линзами проявил характер — один, без родителей, явился в спорткомплекс «Динамо», где попросил записать его в секцию дзюдо. Оглядев грушеобразную фигуру новичка, молодой тренер попросил Олега подтянуться на турнике. Увы, Олег мог на нем разве что повиснуть. Отжаться от пола получилось один раз, но в сторону пола.

«Зачем ты сюда пришел?» — полюбопытствовал тренер.

Наверное, этим бы дело и кончилось, но тут к ним подошел пожилой опытный тренер. «Прими его, — сказал ветеран, внимательно посмотрев на мальчишку, пытавшегося отдышаться. — Сила — дело наживное...»

Олег Ладыженский запомнит эту фразу навсегда.

В результате Олег несколько лет занимался дзюдо, позже увлекся фехтованием на саблях, а к концу школы влюбился в каратэ, которым и занимается по сей день. Постепенно ушел жирок, уступив место мышцам. В дополнение к занятиям дзюдо Олег увлекся настольным теннисом, так что к концу школы у него уже был первый разряд, а позже он выступал за сборную института.

Короче, в старших классах он сделался вполне привлекательным юношей, что было к месту и ко времени. Молодой человек начал засматриваться на девушек, и те в свою очередь строили ему глазки.

Учителя Олегом были довольны: считай, круглый отличник. Случаются четверки по военной подготовке? — ерунда. Пропустил занятие — наверстает дома.

В десятом классе Олег завел себе своеобразную привычку, которой сейчас следовать не советует: по четвергам он не посещал занятий, так как в этот день у него был назначен преферанс на дому у кого-нибудь из приятелей. Тем паче, четверг в школе был отдан предметам, где хорошая память и лихо подвешенный язык решали все проблемы — скажем, обществоведение. В школах на прогулы Ладыженского смотрели сквозь пальцы: с хулиганами и двоечниками сил не хватает разбираться, а здесь такие пустяки...

К концу учебы классу был предложен выбор: либо заниматься на уроках автодела, либо осваивать машинопись. Олег был единственным мальчиком, поменявший машину на машинку.

Здесь можно говорить о смелости или строить предположения относительно иных причин, подвигнувших молодого человека оказаться единственным мужчиной в чисто женском коллективе. Но в результате выбор будущего литератора оказался предельно верным. И в сегодняшней его писательской жизни способность быстро набирать текст, по словам самого же Ладыженского, пригодилась не меньше, а может быть, даже и больше, чем навык «сидения за баранкой пылесоса».

В 1980 году Олег закончил школу, правда, без «золота» — помешали «четверки» по НВП и географии. Пришла пора поступать в институт. В какой? Перед Ладыженским такого выбора не стояло: «Происхождение — лучше некуда: сын царя из Лунной династии и Ганги, да в добавок с богом в душе!»¹... Его родители закончили Харьковский государственный институт культуры. Стало быть, это и его дорога.

Дима

«Закон соблюден, и польза несомненна».
Г. Л. Олди, «Черный Баламут»

В тот же год, что и Олег, в том же месяце, с разницей в какую-то неделю в городе Симферополе появился на свет удивительный мальчик, у которого была необычная мечта. О чем мечтают совсем маленькие дети? Да кто о чем. Дима Громов мечтал пойти в школу!

Делаем большую МХАТовскую паузу, мысленно поздравляя счастливых родителей и наблюдая, не вырастут ли за спиной их умненького-благоразумненького отпрыска ангельские крылышки. Не выросли, слава богу. А теперь непосредственно о виновнике торжества:

Дмитрий Евгеньевич Громов родился 30 марта 1963 года в городе Симферополе. Семья занимала небольшой домик, вокруг которого раскинулся сад с плодовыми деревьями, такими огромными, что казалось, будто наливные яблочки и темно-бордовые, до черноты, вишни зреют где-то там, в синем сверкающем небе под самым солнцем. Сад окружал высокий забор, за которым вольготно вытянулась во всю длину и ширину белая дорога, конца и края у которой не было. По обеим сторонам дороги тянулись диковинные заросли, в которых так здорово было играть с соседскими ребятами. Прячась в живые шалаши и лабиринты, сквозь листья и ветви которых проглядывали душистые цветы, мальчик представлял себя тигром, оглядывающим из засады окрестности в поисках добычи, пока мама не начи-

¹ Г.Л.Олди «Черный баламут».

нала звать обедать. Но сразу не пойдешь, сначала нужно выбрать и сорвать самую красивую веточку жасмина или сирени. И уже потом со всех ног!..

Каждый раз, выходя из калитки своего дома, Дима видел огромную таинственную школу, страстно мечтая когда-нибудь туда пойти. Так и представлялось: новенький ранец за спиной, белая дорога под ногами, а для него — отважного путешественника — начинается первое настоящее приключение. Сначала мимо зарослей-джунглей, через улицу, потом — вниз по длиннющему косоугору, далеко-далеко... Возможно, школа привлекала как раз тем, что туда пока еще не пускали, всегда ведь хочется запретного.

Тем не менее осуществить мечту детства не удалось: когда Диме исполнилось пять лет, семья переехала в Севастополь, а там через два года он пошел уже совершенно в другую школу.

Много лет спустя Дмитрий Громов приедет в Симферополь и найдет дом, в котором родился и... это оказался маленький, одноэтажный домик, с аккуратненьким садиком, а через дорогу, буквально в двух минутах ходьбы медленным шагом — та самая школа. Вот тебе и путешествие! Крутой косоугор обернулся пологим пригорочком, а заросли-джунгли — невысокими кустами жасмина и сирени. А мнилось-то — кручи, овраги, дебри, долгое и полное опасности путешествие... Вот что значит память детства...

Севастополь сразу же понравился и полюбился. Белый инкерманский камень, солнце, много моряков в щегольской форме, загорелые друзья-сверстники, море, свобода. В Севастополе буквально с первого класса появилось и любимое занятие — искать взрывоопасные предметы, сохранившиеся со времен Великой Отечественной войны. Родители были в ужасе, но ничего не могли поделать с этим повальным увлечением. Сколько раз запрещали, совестили, пугали, отнимали патроны, высыпали порох, всячески наказывали малолетних камикадзе, но те стойко сносили все попреки и наказания, готовые в любой момент отправиться в новое опасное путешествие за артефактами. И то верно, пока выслушиваешь очередную лекцию от мамы или истеричной соседки, которой что-то там такое померещилось, конкуренты из параллельного класса все самое интересное найдут и откопают, а ты потом оставайся с носом.

Находили достаточно много, причем весьма опасного. Время от времени по городу пробегали тревожные слухи о том, как очередные юные копатели лишались рук и ног, но компанию Громова эта беда почему-то обходила стороной. По словам самого Дмитрия, были незначительные повреждения, крошечные ожоги, уши закладывало после взрыва, да вот еще как-то один пацанчик умудрился получить тринадцать поверхностных осколочных ранений от разорвавшегося в костре снарядного капсюля. Родителей чуть кондратий не хватил, но обошлось — в результате все великолепно зажило, даже шрамов не осталось. Поэтому происшествие никого из детей не впечатлило, и они как ходили в степь за трофеями, так и продолжали свое дело.

Однажды кто-то из друзей Димы обнаружил самую настоящую мину от миномета. Как потом оказалось, пустую и без взрывателя. Но тогда этого еще никто не знал. Что они только с этой миной ни выделявали: и в костер подкладывали, и кирпичами били, и ножовкой пилили. Не бахает, проклятая! И не разбирается. В конце концов мина надоела. Выбросили с глаз долой. И что же? Через недельку идет Дима из школы и видит: другая компания пацанят пытается ту же самую мину раскурочить.

Получается, что упрямая мина переходила по наследству от одной компании к другой.

«Мы тогда были как в том анекдоте про обезьяну с гранатой, — смеется Громов: — Обезьяна, зачем ты по гранате камнем лупишь, она же взорвется! — Ну и что? У меня еще одна есть!»

Как-то нашли ядро, пролежавшее в земле с Крымской войны. Чугунное, тяжеленное... тащили, катили, думали — внутри порох, а оно цельное оказалось. Доперли как-то до Диминей квартиры. Открывает дверь мама. — «Лариса Ивановна, можно оно у вас полежит»? — И это после всех душеспасительных лекций?!

В результате друган Мишка утащил у старшего брата ключи от подвала, и вместе с Димой они скатили трофей вниз по лестнице — где он, должно быть, до сих пор и лежит.

Около входа в полуразрушенный форт, окруженный ржавой колючей проволокой, стояла круглосуточная охрана и была прикреплена табличка: «Осторожно, мины! Опасная зона!». Но пацаны есть пацаны. В общем, они и туда ухитрились пролезть. Слава богу, никаких мин не обнаружили, зато пороха утащили полные карманы. Исследуя новый объект, в темноте один из друзей Громова зажег спичку, в свете которой детишки обнаружили, что стоят на слое пороха.

Маленькие детки — маленькие бедки: на боевом счету Громова & company взорванный противотанковой гранатой сортир, дымовые завесы, запуск пороховых ракет, стрельба из самодельных капсюльных пистолетов друг по другу и прочие «безобидные шалости» в школе, дома и окрестностях. Да и что требовать от ребенка, когда весь Севастополь буквально помешан на оружии. Вместо игрушек у некоторых ребят — боевое оружие — пусть сломанное, не стреляет, но все равно настоящее... А в 1975 году они снова переехали, но теперь уже в Харьков, подальше от взрывоопасных предметов, да и место маме предложили, что называется с повышением, а это и денег больше, и интереснее.

Здесь, наверное, следует отвлечься ненадолго от Димы и немного рассказать о его маме.

Точинина Лариса Ивановна, по мужу Громова, закончила архитектурный ВУЗ, работала в Симферополе архитектором, в Севастополе — старшим архитектором, и уже в Харькове — руководителем группы.

Поначалу Харьков Диме не понравился. Он невольно сравнивал его с Севастополем, подмечая, что Харьков заметно грязнее, на улицах много мусора, чаще попадаются неопрятно одетые люди, бомжи... Нет, в Севастополе все было совсем не так. Кругом военные моряки, курортный город закрытого типа. Больше улыбающихся людей, больше радости и веселья. Да что тут говорить, в Севастополе осталась вся его веселая компания... а тут из родных и близких людей только мама и бабушка... И моря нет! А еще патроны неизвестно, где искать...

Но ребенок просто не умеет долго грустить и жаловаться на несправедливость судьбы. Пообщился и привык, пошел в школу, появились новые друзья-приятели. И вот ведь странность, если в Севастополе Громов считался отпетым хулиганом, дальше некуда, — и родителей сколько раз в школу вызывали, и педсовет собирали, в общем, за то или за другое постоянно влетало — то в Харькове такое поведение было в порядке вещей. Поступки, за которые в Севастополе бесповоротно выгоняли из школы, здесь считались чуть ли не сверхпримерными. Так, например, если учитель просит дать дневник, а ученик отказывается — никто его за это к директору не потянет, и даже оценку за поведение не снизит. В севастопольской школе такое никому бы даже в голову не пришло: не дать учителю дневник! А тут — лафа! Поначалу новые друзья даже удивлялись: чего это Дима такой зашуганный? Но тот

постепенно освоился, полюбил новый стиль жизни, вошел, как говорится, в коллектив и, как и прежде, начал приносить привычные неудобства по поведению.

Оказалось, что Харьков — это совсем не плохо, даже наоборот. За год с небольшим в новой школе он освоился полностью: спички в замках, натертый парафином классный журнал или грифельная доска...

Полюбил химию...

При этом учителям не хамил, сверх меры не прогуливал, не сквернословил, учился почти на одни пятерки. Что же до остального, то... Полы в школе, измазанные йодистым азотом, который взрывается при малейшем прикосновении, слезоточивый газ в классе физики, задымление рекреаций и прочее... — вполне можно отнести к внеклассным занятиям любимым предметом.

Подобные «подвиги» принесли Диме популярность среди одноклассников, и не только — ведь в детстве почему-то кажется, что настоящие пацаны непременно должны быть хулиганами. Вот он и хулиганил на полную катушку.

Впрочем, любовь к взрывоопасным предметам не была единственной страстью Громова. С самого раннего детства он писал фантастические рассказы. Первые пробы пера относятся еще ко времени пребывания Димы в детском саду, не оставил он любимого занятия и в начальной школе, периодически строча что-то в толстых тетрадах. Класа же с шестого писал регулярно: повести, рассказы, пьесы, киносценарии, стихи — все что угодно.

Много раз пытался опубликоваться, но все неудачно. В восьмом классе начал посещать литературную студию Дворца пионеров, где и познакомился с Олегом Ладыженским. Первое знакомство не произвело ни на того, ни на другого должного впечатления: при встрече просто здоровались друг с другом, и не более того.

Юность Димы, или химия — в жизнь

«Ты считаешь это благом для него и других?»

Мудрость и сила, отвага и смирение в одной упряжке?!»

Г. Л. Олди, «Черный Баламут»

Старшие классы школы Дмитрию Громову запомнились странными травмами — все, что называется, на ровном месте. Сначала Дима сломал левую руку, пришлось оставить занятия на пианино, потом правую, бросил стрельбу из малокалиберной винтовки. Только починил руки, пошел на хоккей и сломал ногу. При этом добро бы еще во время игры! — поскользнулся по дороге на матч, просто шел, и вдруг ни с того, ни с сего поскользнулся и грохнулся на обледенелую дорожку. В результате — сломанная берцовая кость, с двойным винтовым смещением. В общем, круто в хоккей поиграл!

Вылечили ногу, освободили на какое-то время от физкультуры. Закончилось освобождение, Дима приходит на занятия — и тут же сдает бег на пятерку (чего, надо сказать, ему ранее никогда не удавалось)! И это после сложнейшего перелома ноги! Через несколько лет, уже в институте, ситуация повторяется с точностью до дежавю. Во время работы в подшефном колхозе на выходные отпускали домой. И вот, приехав домой, Дима через несколько часов свалился с приступом аппендицита. Вызвали «скорую», отвезли в больницу. Сделали операцию, вскоре выписали. Опять освобождение от физкультуры — на сей раз уже в институте. И едва освобождение заканчивается, Дима на первом же занятии в секции фехтования, куда он ходил до приступа аппендицита, попадает на сдачу нормативов. Ну, сдает, как все.

Скорость укола, попадание в мишень... — отлично! Дошло дело до подтягивания. Тренер: «Может, не надо?» Громов: «Надо, надо!» И подтянулся целых семнадцать раз, больше всех в группе. Потом объяснил: мол, исхудал во время болезни, сбросил вес, вот и подтянулся без проблем. А тренеру его красный свежий шрам еще, небось, долго в страшных снах являлся.

Возвращаемся назад, в школу. Во время подготовки к выпускным экзаменам Дима сделал себе пневматическую винтовку, в просторечии — «воздушку». Получилась не хуже фабричной, на ней даже оптический прицел имелся. Точность была неплохая, но испытывать ее в школе Дмитрий не стал. Какой смысл? — аттестат все равно весь в пятерках. Жаль, без медали, но не беда: медалей, дипломов и прочих наград он уже позже добрал, в ипостаси знаменитого писателя.

Институт он себе наметил Харьковский политехнический, факультет технологии неорганических веществ. Древние покровители наук и ремесел египетские боги птицеголовый Тот и таинственный Осирис, а также их коллега из Греции легкий на ногу Гермес с распростертыми объятиями встретили нового ученика в храме знаний. Немного сконфуженная блистательными противниками, в сторонке за мраморными колоннами то и дело кидала на них полный немых упреков взор дама Литература, уязвленная тем, что мальчик, которого она давно знала и надеялась видеть в своей свите, предпочел ей других. Но какой выбор? Особого выбора у Дмитрия Громова как раз и не наблюдалось. С детства Дима увлекался химией и литературой. Общеизвестно, что в Литературный институт без блата поступить было нереально. Поэтому он решил сосредоточиться на химии, продолжая писать для себя. Так что никакой обиды для сиятельной госпожи в действиях молодого человека не было. Просто ее время еще не пришло.

Поступил с первого захода. В ВУЗах как раз ввели «эксперимент»: если первые две оценки, полученные на вступительных экзаменах, дают в сумме не менее девяти баллов, дальнейшие экзамены не нужны. Четверка по математике и пятерка по химии открыли дорогу в любимую профессию.

В Харьковский политех приезжали чуть ли не со всего мира: Польша, Индия, Афганистан, Тунис, Доминиканская республика, Кувейт, Зимбабве... В то время перспектива окантаться когда-нибудь за границей для советского человека была голубой мечтой. А так — хотя бы послушать, пообщаться, приобщиться, пусть даже на уровне разговоров, прикоснуться к чему-то запредельно-далекому, но безусловно интересному.

Среди новых знакомых выделялся чернокожий Педро из Доминиканской республики. Педро знал пять языков, по дороге к новому месту учебы начал изучать русский, на месте достаточно быстро освоил его настолько, что мог уже свободно болтать на любые темы, и тут же взялся за украинский. Зачем? А просто так принято — неприлично жить в стране и не знать ее языка!

Годы студенчества — время гулянок и веселья, время дискотек, где Громов вскоре сделался одним из ди-джеев и любимцев публики. Время напряженное, но творческое и бесконечно увлекательное.

Даже скучные субботники и первомайские демонстрации, на которые хочешь не хочешь, а ходишь, представлялись вполне себе ничего времяпрепровождением. С песнями, танцами, криками «ура»... И если историки из Универа традиционно маршировали под сделавшееся классикой жанра: «Мы наш, мы новый миф построим», химики обратились к поэзии А. В. Кольцова, вопя на всю Сумскую:

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!

И — как глазом моргнуть —

Растворилась изба... — последняя строчка грела душу и звала на новые подвиги.

Шли годы, сидение за партами сменялось студенческой практикой в разных городах необъятной Родины. Так, будучи на третьем курсе института, в составе студенческой группы Дмитрий поехал на практику на химический комбинат Северодонецка.

«Заходим на территорию завода, делаем шагов двадцать от проходной, раздается жуткий взрыв. И вот я наблюдаю феерическое зрелище, которого прежде никогда не видел и, надеюсь, никогда больше не увижу: летающие крышки от канализационных люков. Все они взлетали выше пятого этажа — натуральные летающие тарелки. Кто бы догадался снять, большие деньги можно было бы выручить, — рассказывает на конвенте «Созвездие Аю-Даг 2011» Дмитрий Громов. — Из люков огненные столбы метров на десять вверх, сразу синхронно по всему заводу, красота! А потом все эти крышки начинают падать...

Я смотрю в полном охренении и единственное, что могу выговорить: «Это не я!»

Обычно когда что-нибудь взрывалось в школе, а позже в институте, все шишки валились на меня. Часто оправданно, но только не в этот раз. «Ничего не сделал, только зашел!»...

В результате выяснилось, что каких-то двух умников из центральной заводской лаборатории угораздило спустить в канализацию полтонны отходов натрия и калия, которые хранились под керосином. При попадании в воду все это долбануло так, что мало никому не показалось. Чудо, что обошлось без жертв, и только в капот директорской «Волги» картинно врезалась и застряла крышка от люка».

Юность Олега

И пошла под звон оаций

Перемена декораций

Здравствуй, новый балаган!

Ю. Ким

Закончив школу, Олег Ладыженский пошел поступать в институт. Харьковский государственный институт культуры закончили родители, и он туда же: подал документы на режиссерское отделение факультета культурно-просветительной работы. Перед этим какое-то время работал с репетитором — кстати, тем самым режиссером, который набирал курс. Олег неплохо подготовился и был вполне уверен в себе. Программа, что называется, обкатанная, все не один раз опробовано и на семье, и на репетиторе: стихотворение Дмитрия Кедрина «Зодчие», миниатюра Феликса Кривина «Форточка», басня...

Была, правда, одна закавыка, на которую Олег по неопытности сначала махнул рукой. Институт культуры в высших партийных сферах считался идеологическим. То есть, там готовили идеологических работников. Кто жил во времена СССР, тот поймет.

Первый экзамен — по специальности — абитуриент начал сдавать хорошо. Мастерство актера, режиссура, идейно-тематический анализ пьесы — пять баллов. Олегом довольны, он счастлив, все идет как по маслу. Но вдруг посреди экзамена, на втором его разделе — политическом, ибо, как уже было сказано, ВУЗ-то идеологический! — прибегает в аудиторию взмыленный представитель деканата и начинает валить: «расскажите-ка о решениях съезда, о пленуме партии...».

В общем, пять по специальности, два по политике — общая «тройка».

Что за напасть? Оказалось, в институте была установлена негласная квота на количество евреев на потоке. Разрешалось взять не более трех, а тут нежданно-негаданно в послед-

ний момент нарисовался четвертый кандидат — сын кого-то из преподавателей. Вот руководство и взялось за дело, расчищая дорожку.

Думал Олег, чем горюшку помочь, ничего не придумал, махнул рукой, да и пошел остальные экзамены сдавать. А пока сдавал — историю, сочинение, русский устный — выяснилось, что отвалилась такая масса народа... В итоге Олег поступил. В идеологический ВУЗ с политической «двойкой»!

То ли еще будет...

Группу вели Виктор Кузьмич Гужва, режиссер и превосходный актер, а также Валентин Юрьевич Ивченко, в прошлом — главный режиссер Харьковского театра музыкальной комедии. Что такое оперетта? Это вокал, танцы, декламация... Словом, необходимый арсенал и для эстрадного, и для театрального актера-режиссера.

На втором курсе института, уже прозанимавшись к тому времени два года каратэ, Олег сменил школу, перейдя «под руку» Владимира Попова, ученика Хидео Хасимото по кличке Эйч.

В 1967–1972 годах, в Москву, в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Российский университет дружбы народов) приехал учиться студент из Японии — Хидео Хасимото. Мелкий, жилистый, похожий на богомола, в очках — он олицетворял собой образ классического ботана-интеллигента. Тем не менее неприметный Хидео (4 дан Годзю-рю, чемпион своей префектуры и серебряный призер чемпионатов Японии 1964-66 годов) на зависть здоровенным качкам мог отжаться от пола на кулаках едва ли не тысячу раз, не сбавляя темпа и не слишком утомляясь. Вокруг японца собрался кружок любителей каратэ, и он начал преподавать. У Хасимото-сан учились не только москвичи, но и харьковчане (В. Лысянский, Житомирский, братья Кричевские), в том числе и Владимир Попов, открывший впоследствии свою школу в Харькове.

По рассказам современников, Хидео Хасимото запомнился им как анархист и человек рискованный. Поддерживая боевые традиции родины, сенсей Хасимото время от времени водил своих учеников в пивные, где в естественной и непринужденной обстановке можно было обкатать на практике полученные на тренировках навыки. Правда это или легенда, сейчас уже трудно сказать. Известно также, что после института Хасимото женился на филиппинке и уехал на Тайвань.

Олег поступил в школу каратэ под руководством В. Попова в 1982 году, и с тех пор в этой области кое-чего добился: был членом МАНОКК (Международная ассоциация национальных объединений контактного каратэ-до), получил черный пояс, II дан, стал судьей республиканской категории. С 1992 по 1994 годы — вице-председатель ОЛБИ (Общества любителей боевых искусств), на сегодняшний день тренирует группу ветеранов стиля Годзю-рю, где старшим ученикам — под семьдесят лет.

Вот ведь как бывает: уже много лет нет на свете Владимира Попова, а школа его живет. Олегу Ладыженскому повезло заниматься у этого интереснейшего человека. Массивный, властный Попов, несмотря на свой внушительный облик, являлся кандидатом физико-математических наук и был разносторонней личностью. Что немаловажно — требуя выполнения своих приказов, Попов был предельно корректен, совмещая силу и мягкость. Японская пословица: «Где права сила, там бессильно право» была явно не про него. Последнее добавляло и Владимиру Попову, и его школе заслуженной популярности.

Если хочешь чего-то достичь, необходимо постоянно тренироваться. А как это сделать, учась на дневном режиссерском отделении и, кроме учебного процесса, участвуя в массе спектаклей в качестве актера и режиссера одновременно? Первые два года студенты «театралок» разве что ночевать домой приходят, и то не всегда. Что же говорить о ежедневных тренировках? Тренировались, где могли — в коридорах института, на репетициях. Представьте

картинку: пианист-аккомпаниатор в концертном зале, легко скользя по клавишам изящными тонкими пальцами, выводит вальс Шопена. А рядом, внимая Шопену, двое молодых людей — Олег Ладыженский и Арсен Вартанян, его сокурник и сэмпай школы — увлеченно мутуют друг дружку кулаками.

Часы при этом регулярно снимались с руки и выкладывались на крышку рояля или на окно аудитории. Так же регулярно часы там и забывались — звенел звонок, и приходилось со всех ног бежать на лекцию или репетицию. Что забавно, потом часы всегда находились на прежнем месте или их кто-нибудь приносил рассеянному владельцу. Ни разу «котлы», как тогда звали часы, не потерялись и не были приватизированы каким-нибудь ловким деятелем культуры — видимо, ловкачи задумывались о последствиях.

На одном из последних курсов института в школу каратэ, где Олег к тому времени уже стал помощником инструктора, пришел Дмитрий Громов. Судьба давала будущим соавторам второй шанс наконец-то разглядеть друг друга. Но, как и в литературной студии, особого взаимного интереса не возникло. Разве что Олег — позже, открыв собственный театр-студию «Пеликан» — обмолвился о своей театральной деятельности, а Дима вспомнил, что у него как раз есть фантастическая пьеса «Двое с Земли». С пришельцами, звездолетами и бластерами.

Ладыженский назвал адрес «Пеликана» и сообщил, когда ближайшая репетиция. Громов обещал прийти. В результате пьесу Олег отверг, а Дима как-то незаметно прижился в театре.

По расхожему мнению, составленному из опросов учащихся многих ВУЗов, быть студентом хорошо, вот только учеба мешает. К нашим героям, Дмитрию Громову и Олегу Ладыженскому, последнее никак не относится. «А если в глазки им заглянуть...»². Шалили и развлекались будущие соавторы, конечно, от души, но и учеба им была в охотку.

В институте Олег играл во множестве различных спектаклей: «Гнездо глухаря» по пьесе В. Розова, «Фантазии Фарятьева» по одноименной повести А. Соколовой, «Дом, который построил Свифт» по пьесе Г. Горина...

В постановке «Моя дочь Ньюша» (Ю. Яковлева) Олегу досталась роль пожилого человека военного поколения. Место действия — комната, приходит родная сестра героя, у сестры на груди — боевой орден. Герой же про орден не в курсе. На репетициях все шло без заминок. Зато на спектакль девушка, игравшая сестру, надела невероятно высокий бюстгальтер. Она вообще была выше и заметно крупнее Олега, с грудью, вызывавшей зависть подруг и восторг парней, а тут...

— Так получилось, что на спектакле я вдруг не вижу ордена, — рассказывает Олег Ладыженский. — Он лежит, так сказать, на горизонтальной поверхности, и существенно выше моих глаз. Пришлось едва не подпрыгивать, чтобы спросить: «Откуда у тебя орден?» В результате получилась не драма, а комедия.»

В спектакле «Дом, который построил Свифт», Олегу дали роль одного из стражников, охраняющих пленных артистов. По пьесе Олег должен был застрелить своего напарника. Режиссер-постановщик заменил пистолеты шпагами — будем, значит, закалывать. Всё репетировали множество раз, была детально разработана мизансцена, положение актеров, угол нанесения удара вплоть до сантиметра. Однако премьеры в который раз внесла свои корректировки. На спектакле партнер встал не в ту позицию, отмахнувшись «не по уставу», и Олег чуть не вышиб ему глаз, в последний момент умудрившись изменить траекторию удара. Он со всей силы воткнул клинок между бортом мундира и телом. Клинок прорвал мундир и вышел сбоку. Когда «раненый» упал, зал зааплодировал.

² Г.Л.Олди «Маг в законе».

На дипломном спектакле Олег играл Франсуа Вийона (пьеса Юлиу Эдлиса «Жажда над ручьем»). Своего Вийона Ладыженский сразу же решил стилизовать под Высоцкого. Должно быть, не давал покоя романтический образ поэта с гитарой. Олег положил баллады Вийона на музыку, написал подражание его балладе «Я знаю всех, но только не себя». Черные кудри, благородная, нанесенная пудрой, седина на висках, грим, выразительно подведенные глаза, гитара — его Вийон безусловно производил впечатление на зрительниц. Но Олег и представить себе не мог, что когда он произносил со сцены слова несчастного и нелюбимого поэта:

«Моим признаниям внимала,
Звала, манила, обещала
Утишить боль сердечных ран,
Всему притворно потакала, —
Но это был сплошной обман»

...в него влюбится девушка с прекрасным, зовущим героев на подвиги именем — Елена. Которая в скором времени делается его законной супругой. Баллада сменялась балладой, Вийон страдал, ерничал, любил...

Затем тебе, подруге милой,
Из-за которой вдаль бегу,
Кто радости меня лишила
И мысли спутала в мозгу,
Оставляю сердце. Не могу
Столь тяжкий груз в груди нести!
Оно погибло, я не лгу, —
За это Бог ее прости!

Сколько было таких случаев: девушки влюбляются в образ, персонаж, красивого актера... Четвертая стена — она и в Харькове четвертая стена. Короче, в тот день они так и не познакомились. Елена ушла домой, а Олег стал готовить свой второй дипломный спектакль, где он уже выступал как режиссер. Через какое-то время свой диплом должен был сдавать и Арсен Вартанян. Он попросил Ладыженского загримировать труппу. И так получилось, что там снова оказалась Елена. Она взглянула на Олега во второй раз: без грима, благородной седины и гитары, с какими-то несерьезными веснушками, он вовсе не напоминал романтического Вийона и ей не понравился.

На их общее счастье, теперь пришла очередь влюбиться Олегу. Они познакомились в мае — и в октябре уже сыграли свадьбу. Скороспелый брак неожиданно оказался прочным, и теперь через столько лет Олег и Лена по-прежнему вместе.

Свой дипломный спектакль «Когда фея не любит» по пьесе Феликса Кривина, на котором оценивалась режиссерская работа Ладыженского, он ставил на базе Дворца Культуры «Металлист». Там же он сыграл роль Короля и написал ряд песен, которые сам исполнял. К тому времени у Олега уже имелся опыт работы в мюзиклах, включая мюзикл с рок-группой (В. Коростылев, «Король Пиф-Паф, или Не в этом дело»).

Едва закончился спектакль и приемная комиссия направилась в кабинет директора, Олег быстро разгримировался, переоделся и вышел вполне довольный собой, при галстуке, в костюме-троечке. А чего не радоваться-то, когда все как по маслу? Спектакль хороший,

актеры не подвели, зал принимал, что называется, «на ура»! Вот и преподаватель Ивченко Валентин Юрьевич вышагивает навстречу, не иначе как с поздравлениями.

— Готов защищаться? — вместо приветствий спросил Ивченко.

— Готов. Спектакль ведь нормальный, — не понял подвоха Олег.

— Эх, ты! — рассмеялся опытный режиссер. — Коньяк взял?

Коньяка не было, денег тоже. Ладыженский подскочил к отцу, только что отсмотревшему дипломный спектакль сына и теперь ожидающему, что же скажет высокая комиссия. Заняв у него двадцать пять рублей, дипломник побежал в ближайший гастроном. Спектакль заканчивался поздно, гастроном был закрыт. Олег припал к стеклу и узрел стоящих в ряд продавцов и дядьку, вышагивающего перед ними с видом университетского профессора. Не иначе, комиссия из Киева! Понимая, что это его последний шанс, Олег забарабанил в дверь. Ему открыли, но, разглядев, кто стучит, тотчас попытались закрыться снова, пообещав вызвать милицию. Шутка ли сказать, в магазине ревизия, а тут черт знает кто ломится!

— Я из ДК «Металлист»! — хорошо поставленным голосом рявкнул Ладыженский первое, что пришло в голову. — У нас ЧП! Из Киева приехал заместитель министра по культуре, а коньяка нету...

— Дайте молодому человеку коньяк, — тут же распорядился ревизор. — Замминистра без коньяка не может...

Олегу выдали две бутылки, взяв с него строго по кассе, после чего он вернулся во Дворец культуры и успешно защитился. Спектакль удался, а коньяк принес все остальные бонусы.

Ваш выход

— Как вы называете это? — бесстрастно прозвучал в темноте голос старика.

— Мы? Стихи...

— Стихи... А мы — стихиш.

Г. Л. Олди, «Витражи патриархов» (цикл «Бездна Голодных глаз»)

После получения диплома Олега распределили в город Богодухов. Огромный зал Дворца Культуры на тысячу мест, большая сцена, на которой хоть сводный хор милиции, хоть классический балет «Лебединое озеро», со всеми из него вытекающими последствиями, обустрой. Плюс перспектива через несколько лет принять пост директора. У богодуховского директора образование среднее — училище — а полагалось высшее. Вдобавок по возрасту тот все равно скоро выходил на заслуженный отдых. Все складывалось как нельзя лучше для глубоко провинциальной карьеры.

Но жить в Богодухове?

С большим трудом, привлекая друзей со связями, удалось отказаться от распределения. После чего Олег пустился в свободный поиск.

Предложили весомую должность в ДК милиции. Они бы махнули рукой на национальность, но там нужно было иметь звание и состоять в коммунистической партии. Предложили быстро подать заявление, стать кандидатом, пройти испытательный срок, после которого примут как миленького. Двойная выгода — и непыльная работа с приличным окладом, и опять же член партии, в дальнейшем пригодится. Но административная кабинетная работа Ладыженского не привлекала. Хотелось работать с театральным коллективом, заниматься любимым делом. Началось тяжелое время. Безднежно и безденежно Олег шесть месяцев сидел на шее жены, с ее зарплатой медработника. Полгода — никакого просвета, ни одной зацепочки. Наконец ему удалось отыскать место в Доме Культуры харьковского объединения «Стройматериалы», на окраине города. Странное сочетание — культура и стройматери-

алы... Впрочем, внутри здания при ближайшем рассмотрении обнаружился симпатичный зальчик на восемьсот мест. Народ в ДК оказался милый и приветливый, директор душевный.

Что еще надо?

В результате Олег вписался сам и привел целую труппу. ДК получил дипломированного режиссера, студия «Пеликан» — крышу над головой, а Олег смог наконец похвастаться зарплатой в целых девяносто рублей. Не густо, но после шести месяцев безденежья, с беременной женой и постоянными думами, как жить дальше...

Короче, он был рад и таким деньгам.

Олег закончил институт в 1984, а в 1985 уже поставил «Обыкновенное чудо» Шварца. В спектакле он играл Хозяина, а супруга — Хозяйку. На генеральной репетиции Лена была уже на сносях и через неделю родила дочку Марьяну.

Собственно, в «Обыкновенном чуде» сыграл и Дмитрий Громов. Ему досталась роль Первого министра.

«С Громовым мы знакомились, как в сказке, три раза, — рассказывает Олег Ладыженский. — Первый раз — школьниками, в литературной студии Вадима Левина. Сейчас Левин, прекрасный поэт и замечательный педагог, живет в Германии. Второй раз мы сошлись в школе каратэ. И наконец — театр «Пеликан».

Так и повелось. Олег ставил спектакли, а Дима играл в них различные роли. Постепенно сдружились. Спектакли получались интересные, народ шел на них валом.

Подлинное чудо, что за все время существования студии Олег как-то умудрялся так отчитываться в Доме народного творчества, что ему всякий раз разрешали осуществлять задуманное.

Отчеты перед специальными кураторами — обычная практика советского времени. Режиссеры, актеры — люди увлекающиеся, вполне могут поставить что-то идеологически невыдержанное. Поэтому перед тем, как приступить к работе над спектаклем, необходимо было доложить об этом в вышестоящую инстанцию, объяснить в деталях, что да как предполагается ставить, плюс ответить на энное количество идиотских вопросов, после чего вам либо дают зеленый свет, либо нарезают идею на корню.

«Жажда над ручьем» — на этот раз Олег уже не играл, а занимался чистой режиссурой. «Трудно быть богом» по роману братьев Стругацких... Ладыженский не доложил кураторам об идее постановки — сообщил он о подготовке такого спектакля, работу закрыли бы еще на стадии подготовки. Рискнул, продержав в тайне весь репетиционный процесс, и уже после премьеры сообщил в Дом народного творчества — постфактум. Доложил, получил по шее... Впрочем, иных репрессий не последовало. Спектакль не запретили, ограничившись взысканием нахалу-режиссеру.

Грандиозное действо, тридцать пять человек на сцене, Громов в роли Ваги Колесо, масштабные декорации, классическая музыка... До сих пор сохранилась запись, где на фоне могучего Баха и колоколов трехлетняя Марианна, дочь Олега, произносит текст: «Когда бог, спустившись с неба, вышел к народу из Питанских болот, ноги его были в грязи...». Мама диктовала Марьяне, а девочка пыталась произнести в микрофон непонятные ей самой слова. В спектакле это звучало так: мать учит дитя Святому писанию. Страшная вышла запись. Монументальная музыка Баха, колокола, хнычущий голос ребенка, настойчивая мать...

С реплики девочки: «Мама, а зачем его сожгли?» начиналось действие.

Пора взрослеть

*И будет это долгое — Потом,
в котором я успею позабыть,
что выпало мне — быть или не быть?*

Героем — или попросту шутом?..
Феликс Кривин

Во время постановки спектакля «Трудно быть богом» в студию «Пеликан» пришла новая актриса — худенькая и стройная, словно мальчик, Бронислава Тумаркина. В спектакле она играла Уно — юного слугу Руматы. Жизнь же приготовила для нее другую, более значимую роль. В 1989 году она станет женой Дмитрия Громова и подарит ему сына Сережу.

Вместе Дима и Броня сыграли в двух спектаклях: «Трудно быть богом» и «Автобус». Далее последовали другие постановки, другие роли, но быть на сцене вместе как-то не пришлось. Семья, работа, литературные занятия, командировки, тренировки...

...освоившись в театре, Бронислава пришла в школу каратэ. Тренировалась всю беременность, согласившись прекратить занятия буквально за две недели до родов.

Спектакль «Автобус» по пьесе С. Стратиева — едкая сатира на современное общество. Премьера проходила, что называется, «на чужой территории» — ситуация для актеров во все времена волнительная. А тут еще Громов заболел: отравился. Так что знающему всю пьесу и все мизансцены наизусть режиссеру Ладыженскому пришлось на премьерном показе заменять его. А на второй день — бледный, на таблетках — Дмитрий дотащился до театра и героически играл сам.

В 1987 году театр-студия «Пеликан» стал лауреатом Второго Всесоюзного фестиваля народного творчества. Даже медаль выдали; до сих пор хранится. Критика пророчила театру блестящее сценическое будущее: «Пеликан» — птица высокого полета. К сожалению, не все хорошие предсказания сбываются...

За год до этого, в 1986-м, Дмитрий Громов с отличием заканчивает институт и поступает на работу в «НИОХИМ» — молодой специалист, накачанный знаниями, энтузиазмом и готовностью трудиться. Не получилось: как назло, отсутствует начальник... Вот ваш стол у окна... обустройтесь, работайте... У окна — страшное место с точки зрения японцев, они-то знают: если человек получил место у окна, оттуда он уже до самой пенсии никуда не продвинется! Дима этой приметы, разумеется, не знал... но что-то такое словно бы почувствовал, все еще кипит энергией и желанием поскорее начать трудовые вахты.

Попросил дать ему задание, любое, потому что жаждал свершений. Не получилось, не дали. Попросил опять — с тем же результатом. Ну, и что теперь? У него и дома полно дел, лучше бы в театр отлучился, на тренировку ходил, а тут сиди, как замурованный, день за днем; уйти нельзя, а останешься — впору волком выть от скуки: «будьте людьми, дайте хоть какую-нибудь работу»!

Ну, что ты с ним, с таким, будешь делать? Показали курилку, столовую... другой бы понял намек: книжку, что ли какую-нибудь почитал, вот женщины, например, вяжут тихо под столом, и у многих уже и шарфы, и джемпера... а у этого руки работать чешутся!.. Выдали стопку должностных инструкций. Изучай. Изучил. И опять с вопросами о работе лезет. Шефа же нет как нет. Сиди и жди.

Дима действительно вскоре уселся за свой стол, обложившись со всех сторон английскими словарями, и начал что-то строчить в общей тетради. Ну, слава всевышнему, вроде как утомился, решили сотрудники, нашел себе какое-то занятие. Какое? А они не спрашивали. Сидит человек на своем месте, что-то пишет, думает, нет-нет в толстые словари заглядывает — одним словом — работает.

Громов же действительно нашел себе занятие: он вознамерился написать рок-оперу по мотивам собственного рассказа «Разорванный круг», да не просто так, а в стихах и на английском. Позволю себе заметить, забегая вперед, что идея состоялась, и через много лет

означенная рок-опера благополучно вышла на диске с музыкой, вокалом, сольными партиями, дуэтами и хорами, аранжировкой — то есть по всем правилам. Выполнил эту работу композитор Алексей Горбов.

Вообще говоря, любой переводчик скажет вам, что описанная выше ситуация невозможна в принципе, что русскоязычный автор просто неспособен грамотно написать художественный текст на английском. Да еще в стихах! Но Громов-то этого не знал! Не знал — и потому сделал.

Позднее, конечно же, грамотные переводчики по данному тексту прошли, подчистили, подправили... Потом прошло еще сколько-то времени, и, перечитывая свое творение, Дима нашел в нем еще несколько «глюков», пропущенных профессионалами. Но доделки, доработки — дело десятое. Основной же текст был написан на первом рабочем месте Дмитрия Громова, в том самом «НИОХИМе», за «бесперспективным» столом.

Когда работа над рок-оперой уже подходила к концу, объявился-таки шеф, но его появление ни в коей мере не разогнало прижившуюся здесь скуку и, что более важно, не помешало завершению эпохального труда. Так что, если поначалу Дима и надеялся, что, поступив на работу, занятый новым делом, наконец-то бросит курить (к сигаретам по-настоящему пристрастился в институте, хотя и в школе изредка покуривал) — то теперь, покрутившись в сонном царстве, он пришел к выводу, что реально сдохнет со скуки, если откажется от перекуров.

Впрочем, работа в «НИОХИМе» — это было не только скучное сидение за столом: время от времени Громова, как молодого специалиста, посылали в различные командировки. Особенно запомнились поездки в городок Бекдаш на Каспийское море, в объединение «Карабогазсульфат», где пришлось заниматься пуско-наладкой цеха. «О, Бекдаш! Сады твои полны жасминовым ароматом, озера твои манят голубой прохладой, чинары твои...»³.

Жаркая средняя Азия, из регулярного воздушного транспорта — лишь выпущенный еще при царе Горохе слаборегулярный кукурузник. Не дождался самолета — постарайся тормознуть грузовик. Они хотя и редко, но все же появляются, точно миражи в дрожащем от зноя воздухе. Дорог в пустыне практически нет, не дороги — намеки на оные, не сразу и обнаружишь. Если повезло напроситься в кабину грузовика, можно доехать до ближайшего культурного центра — города Красноводска. Пять часов по жаре, молясь, чтобы мотор не заглох, или водителя не разморило на солнышке. Пешком и вовсе не дойдешь. «Книг на русском здесь почти не читали, да и в разговорах многие старались обходиться лишь самыми необходимыми русскими словами, редко попадающими в печатные издания»⁴.

Кукурузники — отдельная тема. Так, на одном из них вообще был выломан кусок днища. К дюралевому сплаву самолетной обшивки какой-то народный умелец гвоздями прибил кусок фанеры. Должно быть, пилот самолично ремонтировал, проявив при этом недюжинную фантазию a-la Kulibin.

Пока Громов летел на этом чуде техники, фанерка оторвалась, и под ногами образовалась прямоугольная дыра примерно 50 на 60 сантиметров, через которую просматривался дивный вид на все, что происходило под самолетом. Учитывая, что кукурузник высоко не летает, ни турбулентности, ни холода из-за пробойны пассажиры не замечали, да и на аэродинамические свойства летающей развалюхи происшествие никак не повлияло.

³ Г.Л.Олди «Герой вашего времени».

⁴ Г.Л.Олди «Герой нашего времени».

Сей антиквариат мог терять запчасти или даже разваливаться в воздухе на куски, но, не в пример современным самолетам, это чудо исправно летало!

Фейерверк над Бекдашом

...Через пару часов все хлопало друг друга по спине, пили уж совсем непонятно чье здоровье и сыпали анекдотами, один другого смешнее и неприличнее.

Г. Л. Олди, «Недостающий компонент».

В городке Бекдаш Громов познакомился с местными ребятами, которые вели дискотеки. В институте Дима был ди-джем, вот и потянуло, а тут еще главный по электронике, литовец Гинтарас, лейтенант местной РЛС, такую светомузыку спаял из стреляных запчастей, что подобной даже в Харькове на самых крутых дискотеках видеть не доводилось. А что такое Харьков в сравнении с этим самым Бекдашом? По меньшей мере, центр мира и культуры! При ближайшем рассмотрении у ди-джея на пульте даже два гнезда для пиротехники обнаружились, вот только до приезда Громова в Бекдаше нормального фейерверка не видели. Так в чем проблема?

Гинтарас и Дмитрий мгновенно сдружились на почве общей любви к пиротехнике и рок-музыке. А с начальником центральной заводской лаборатории Геннадием Гуссейновичем Багировым, без которого такую идею было бы не проверить, Громов нашел взаимопонимание после того, как привез из Харькова какие-то жутко нужные тому импортные ручки. Багирову постоянно обещали разнообразные «сувениры» с большой земли, но дальше разговоров дело не шло, а Дима без лишних слов с первого раза привез то, что обещал.

«Вот человек, который держит слово!» — громогласно представлял своего нового друга Багиров. В общем, Громов для Багирова стал своим человеком. Когда понадобились реактивы для фейерверка, он просто дал Дмитрию ключи от склада ЦЗЛ:

— Бери сколько унесешь и чего захочешь, — сделал он широкий жест, — только вот это и это мне нужно для анализов. — Геннадий Гуссейнович задумался на секунду, должно быть, укоряя себя за чрезмерную жадность... — Это и это, ну, то, что для анализов, хотя бы по банке оставь, — наконец закончил он фразу, радуясь, что выкрутился из столь сложного положения.

Обрадованный неожиданной халявой, Громов набрал целую сумку разнообразных емкостей и, взвалив ношу на плечо, хотел уже поблагодарить радушного хозяина, но тот, оценив на глаз и без того уже внушительный размер сумки, удивленно приподнял брови:

— Что ты так мало набрал?

Мало, так мало. Дима послушно развернулся на месте, второй раз скользнул в дверь лаборатории и прихватил еще пару баночек. Теперь Багиров был вполне доволен тем, что как следует сумел быть полезен хорошему человеку. Громов же приступил к организации фейерверка.

Помогать ему в этом увлекательном деле подрядились местные ребята.

Праздник организовали грамотно. Крыша комментаторской будки на стадионе была покрыта рубероидом и залита смолой. На ней установили колонки и пульт. Прекрасно разбираясь в пиротехнике, большую часть зарядов Дмитрий установил на земле, и лишь пару — непосредственно на крыше. Дело за малым: оставалось принести с завода два куска асбеста, который там под ногами валялся и был никому не нужен. Это-то он и поручил своим добровольным помощникам. Но то ли обормоты не знали, как выглядит асбест, то ли решили проявить инициативу, но в результате вместо асбеста принесли два железных листа.

Температура горения всех этих фейерверочных составов — порядка 3000 градусов, то есть, плавит любую сталь. Асбест бы выдержал, а вот железо... В результате в самый

ответственный момент вспыхнула крыша комментаторской будки. Народ радостно закричал «ура» полагая, что так и запланировано, и продолжил веселиться, не спеша вызывать пожарных или прийти на помощь.

На счастье Громова и компании, еще до начала праздника от щедрот города им выделили ящик лимонада. Этим-то лимонадом пиротехники и тушили комментаторскую будку. И потушили! Одна печаль — Гинтарас погубил новые белые спортивные тапочки, пытаясь затоптать пламя.

Светлое будущее

Не каркай, кукушка!
О'Санчес

Дмитрий Громов чуть ли не всю жизнь писал фантастические рассказы. Не оставлял он этого занятия и в «НИОХИМе», хотя бы потому, что сидеть и бездельничать на месте от звонка до звонка во все времена ему было сложно. Скучная обстановка словно бы подначивала самостоятельно раскрасить ее всеми красками отменно-развитого воображения, ну и желание повеселиться с годами никуда не делось.

Было это в советское время, в далеком 1988-м, когда правительство на регулярной основе «радовало» своих граждан демонстрацией картин светлого будущего в отдельно взятых отраслях и регионах. И многие верили, что в 2000 году количество крупного рогатого скота сравняется с поголовьем партийных работников, женщины будут рожать исключительно героев труда, а на Марсе зацветут яблони.

Составить подробный перспективный план развития химической отрасли на целых 25 лет было поручено руководству славного «НИОХИМа» города Харьков. А дальше как в сказке: директор института слил на своего зама, зам на завлаба, тот в свою очередь на завсектора. Завсектор по-честному хотел сделать все сам, но его неожиданно услали в командировку. В результате молодому специалисту Громову, находящемуся всего-то полтора года на работе, вдруг поручают писать планы развития отрасли на 25 лет вперед по всему Советскому Союзу!

Первую пятилетку он, по собственному признанию, сделал честно, раскопал все, что только было возможно найти по теме, подробно изложил, где чего нужно достроить, какое производство закрыть, какое расширить. Над следующей пятилеткой Громов уже изнемогал, но выжал из себя все, что знал, а чего не знал, где-то вычитал. Получилось тоже более или менее по уму: копать будут — ничего особо неправильного не нароеют. А впереди страшным призраком маячили еще целых пятнадцать лет! Что делать?

И вот тут в Дмитрие Громове проснулся научный фантаст. «Пропадать, так с музыкой!» — решил будущий писатель, и насочинял такого...

В общем, никто в институте это не прочел, и фантастическое сочинение благополучно уехало в министерство, где и потонуло под грузом скучных бумаг.

«Но если бы это все реализовалось, мы бы сейчас точно жили при коммунизме!» — смеется Дмитрий. А я вот думаю, какая замечательная утопия должно быть пропала. Люблю я творчество дуэта Г. Л. Олди, люблю и рассказы Дмитрия Громова, а здесь — вообще нечитанное произведение! Может, когда-нибудь и оно вынырнет на поверхность... Хотя — зачем? Куда приятнее думать, что оно продолжает жить по собственным правилам, что где-то с легкой руки молодого писателя создан параллельный мир, в который время от времени проваливаются наши современники. Должны же они куда-то деваться, вдохновляя пишущий народ на бесконечные сказы о попаданцах. А что, Г. Л. Олди создали множество интерес-

нейших миров, возьмите хотя бы тот чисто писательский из романа «Орден Святого Бестселлера»...

Хотя двадцать пять лет еще не прошло, сила, заложенная в произведение, не иссякла, а, следовательно, не будем и искать пропавший документ себе на головы, подобно тому, как мальчишки из Севастополя искали взрывчатку. Не станем, ибо отзовется, да так громыхнет, что мало никому уж точно не покажется.

Мысленно стучу по дереву, тихо. Двадцать пять лет еще не прошли, и какой коммунизм придумал для нас Дмитрий Громов, это без «Олдёвки»⁵, поди, и не разберешь. Ну, да и бог с ним. Я продолжаю.

Первоапрельские тезисы

Приходит ребенок из школы:

— Папа, тебя вызывает учитель химии.

— Не пойду.

— И правильно, на фига тебе эти развалины.

Однажды в разгар весны, а именно 1-го апреля, пришли в «НИОХИМ» бланки заявок на реактивы. Одна графа: «название», другая: «для чего оно требуется», третья: «количество» — рутина, короче говоря. Все лаборатории-отделы честно заполнили документы, Дима же решил повеселиться. 1-е апреля как-никак! Заполнил весь листок честь по чести, а последним пунктом добавил от себя: «и две тонны динамита для благоустройства “НИОХИМа”».

Это было еще в советское время, рядом с «НИОХИМом» располагалось здание обкома партии, так что, Дмитрий дотошно рассчитал, что если положить динамит с правильной стороны, «НИОХИМ» подбросит так, что рухнет он прямехонько на Обком.

Правда, расшифровывать свою рационализаторскую идею в заявке не стал. Не приложил и чертежи. Как-никак, авторская разработка, не дай бог, кто сопрет.

Никто заполненные бланки, как обычно, не проверил, и все это благополучно ушло в вышестоящую инстанцию.

Проходит месяц, и шутника вызывают к завлабу.

— Кто это написал?!

Предъявляется давешняя заявка.

— Я.

— И что ты тут написал?!!

Дмитрий начинает зачитывать длинный список реактивов, необходимых для работы в лаборатории неорганической химии.

— А это что такое?! — Завлаб тычет в злополучный пункт, — «...и две тонны динамита для благоустройства “НИОХИМа”»!!!

— Вы число посмотрите.

— 1.04.???

— Ну?

— 1 апреля?! — заржал завлаб. — Точно: 1 апреля! — И тут же, понуро: — Ой, блин, как же я буду от них теперь отмазываться?..

⁵ Перцовая водка производства Д.Громова.

В 1988-м, на третий год работы в «НИОХИМе», Громову пришло приглашение из родного института — продолжить обучение в аспирантуре, мол, есть у нас вакансии, так отчего бы вам ее не занять?

«Хорошее дело», — решил Громов и подал заявление шефу. Поначалу все шло гладко, никто не мешал, не придумывал поводов задержать сотрудника. И тут, буквально в последний момент, поступает распоряжение поехать в подшефный колхоз, как будто бы никто, кроме сидящего на чемоданах Громова, не может перебрать гнилую картошку. С другой стороны — приказ. Что делать?

Вот тогда Громов и вспомнил закон о правах молодого специалиста. В смысле, молодого специалиста нельзя использовать на работах, не связанных с его основной профессией, без его на то согласия.

Предъявляет статью закона завлабу:

— Вы закон читали? (в смысле — хоть режьте, ни в какой колхоз не поеду).

— Вы занимаетесь социальной демагогией! (поедешь, кто тебя спрашивает!).

— А вы занимаетесь противозаконными действиями! (я уже злой, еще немного и... получишь в торец).

За сценой с живым любопытством наблюдают еще четверо сотрудников. Срываясь, завлаб переходит на «ты».

— Ты думаешь, что поступишь в аспирантуру?! Да я поговорю с кем надо, ты вообще вылетишь с работы! Да так, что тебя реально никуда не возьмут!

— ...!!! (а в рыло?).

— Тебя выгонят с работы, и ты сядешь за тунеядство! (в морду я и сам могу дать).

— А вот я пойду к директору и сообщу, как вы заставляете сотрудников в рабочее время воровать государственные стройматериалы для вашей дачи!!!

— ...!!! (сопляк! стукач!!!)

— ...И скорее вас с работы выгонят, чем я в аспирантуру не поступлю! (самодур и ворюга!!! достал уже!!!)

В результате Дмитрий в колхоз не поехал, в аспирантуру поступил, а через какое-то время завлаба реально уволили. Хотя Громов на него и не наступал.

Как родился мистер Г. Л. Олди

*Не кричите.
это я —
на изломе остря.*
О. Ладыженский

«Имя писателя: Г. Л. Олди. Это лицо актера. А имена паспортные... честное слово, мы не особо честолобивы. В конце концов, много ли народу помнит реальные фамилии Ильфа и Петрова, например? И потом: а на что библиографы и литературоведы? Им ведь тоже кушать хочется. Сохранят в веках, как миленькие...»⁶

Сохраню уж как умею, да и не одна я, дорогие мои Первые лица. Не все еще книги Г. Л. Олди написаны, не все подвиги во имя дамы Литературы совершены, не все песни спеты.

Это мы с Клио шуточки шутим, из Питера в Харьков сквозь скайп вездесущий заглядываем, любопытствуем, вопросыки задаем.

Не случайно и в Харьковской Центральной библиотеке им. Короленко (одной из трех крупнейших библиотек Украины) при Отделе редких изданий был создан архивный фонд Г. Л. Олди. Все для нас — для тех, кто из будущего в прошлое рискнет наведаться. Попомните мое слово: ох, сколько еще всего разного о вас напишут, правды и вранья. Будут и научные работы, строгие, как птицы-секретари, и желтые утки косяками, и огромные, точно «лучший из пернатых, славный птиц Гаруда», биографические романюги. Да мало ли кто еще прилетит, шелестя бумажными крыльями, по ваши души!?

И да не обернется первая ласточка глупой вороной!

Роняя на землю капли времени из треснутого кувшина, голубоглазая богиня Кала подмигивает, мол, собери их, сколько поймаешь. А я...

Что-то мы с вами заболтались, а капли все летят, собираясь в ручейки и лужицы... Сколько уже упущено, сколько безвозвратно ушло в песок... остановись, мгновенье!

После первой отвергнутой пьесы, так и не поставленной в «Пеликане», Громов не угомонился, а наоборот, все чаще начал приносить Ладыженскому свои рассказы. Тот отстреливался стихами и драматическими произведениями. Начались споры, пошли объяснения друг другу — как надо и как не надо работать над текстом. Постепенно возникла идея попробовать писать вместе.

Первый совместный рассказ «Кино для гроба и...» появился на свет 13 ноября 1990 года. Этот день считается днем рождения Генри Лайона Олди. Правда, этого псевдонима еще не было, но ведь и у новорожденного ребенка не всегда сразу появляется имя.

Сюжет рассказа явно опережал свое время: вампиры захватывают киностудию в Голливуде и начинают снимать фильмы про вампиров. Позже этот рассказ публиковался множество раз в самых различных изданиях: от газет и журналов до солидных антологий в твердом переплете.

В том же году рассказ «Ничей дом» вошел в десятку лучших на Международном фестивале фантастики «Зеленая планета» (Бийск).

Казалось бы, окрыленные первым удачным опытом соавторы немедленно должны начать разрабатывать новые идеи, оставить свет, запереться на каком-нибудь чердаке и только «учиться, учиться и учиться» — работать, работать и еще раз работать. Но поначалу

⁶ Интервью Г.Л.Олди для сайта «Клуб интересных людей» (вел интервью С. Коломийцев)

они больше спорили между собой, нежели писали. Должно быть, не самое простое дело — фактически сродниться с еще вчера малознакомым человеком. Тем не менее, постепенно они начали притираться друг к другу. Возникло взаимное понимание: что соавтору более дорого, а что менее. А главное — научились не попадать перстами в разверстые раны! В общем, пошло, поехало, задышало, задвигалось. И, что немаловажно, понравилось обоим. С тех пор Дмитрий Громов и Олег Ладыженский пишут вместе. Изредка проскальзывают сольные произведения, у Олега стихи и миниатюры, у Дмитрия рассказы. Так в 1991 году Дмитрий Громов празднует свою первую сольную публикацию — рассказ «Координаты смерти» вышел в журнале «Версия», № 2, 1991 г., с. 62–71; г. Харьков, САДПР, Харьковское региональное отделение. Тир. 28000 экз. Но отныне все попытки Громова и Ладыженского вырваться из созданного ими же самими образа Олди были не более, чем сугубо частными случаями.

Олегу наконец-то повысили зарплату — с девяноста рублей аж же до ста десяти! Гм... не бог весть что. Но, как говорится, все познается в сравнении. Жизнь начала устаканиваться.

И тут настал 1991 год. СССР прекращает свое существование, начинаются лихие девяностые. Закрываются заводы и фабрики, масса безработных людей, которые и рады бы устроиться куда-нибудь, но их не берут. Выкручивайся как можешь. В этих реалиях театр стал никому не нужен. ДК прекратил финансирование театральной студии, так что ее режиссеру пришлось искать себе другой способ зарабатывать на жизнь. Тем не менее «Пеликан» не закрылся, а умудрился продержаться до 2000 года, со старыми и новыми спектаклями. В тяжелое — в финансовом отношении — время были поставлены «Театр теней» (по Ю. Эдлису), «Она ткала свои мечты» (по Вальехо), «Последняя женщина сеньора Хуана» (по Л. Жуховицкому).

И вновь колес прощальный стук...

Моя душа вместилась в нишу месяца.

А. Смир

В 1992 году родители Олега приняли решение эмигрировать в Америку. У Семена Моисеевича здесь не оставалось никаких перспектив продолжать заниматься любимым делом и жить, достойно содержа семью. Он взял с собою супругу, дочь Алину; должен был поехать и сын со своей семьей. Поначалу Олег даже позволил себя уговорить, съездил в Москву, в посольство, получил статус беженца по политическим мотивам... Но в результате передумал, приняв непростое для себя решение — остаться, чтобы писать и работать в театре. Что значит уехать из страны в советское время? — это навсегда. Безвозвратно купить билет в одну сторону без права переиграть, вернуться, навеститься в гости или пригласить к себе.

Принимая решение остаться, Олег осознавал, что, возможно, видит родителей в последний раз. Во всяком случае, в отношении мамы так и случилось. В 1997 году Олег поедет в Штаты, но уже на похороны.

Лететь в Америку надо было через Москву. Сначала добраться поездом до Курского вокзала и затем на специальном автобусе до аэропорта. Но, как объяснили знакомые, в столице на Курском «отъезжантов» ждут бандиты. Люди прибывают с огромным количеством чемоданов — едут-то навсегда. Их без труда вычисляют и требуют заплатить отступного. Иначе с вокзала не уйдешь.

Для сопровождения семьи Олег взял с собой двух инструкторов из школы каратэ: своих учеников — прошедшего Афган Михаила Шияненко и Александра Манзона.

Когда перегружали вещи в автобус, подошли несколько бритоголовых ребят крепкого телосложения и убедительно предложили рассчитаться. По обыденному тону бандитов стало понятно, что они делают эту работу не первый день, и, судя по всему, она им не надоела. Рядом с Олегом, тяжело нависая над горой чемоданов и разминая соскучившиеся без привычного дела суставы, сонным лихом воздвиглись его друзья. Насторожившиеся бандиты тоже молчали, ожидая, что произойдет дальше.

«Рассчитываться не будем, — вежливо предложил альтернативу Олег. — Давайте лучше разойдемся по-хорошему.»

«Не будем, так не будем», — согласился вожак.

Судя по его лицу, он был уверен, что этих «отъезжантов» крышуют какие-то другие бандиты, и не стоит начинать лишние «тёрки». Вымогатели исчезли, а друзья погрузили вещи в автобус и направились к последней точке пути — в сторону аэропорта.

Сейчас Олег вспоминает эту ситуацию с запоздалым ужасом. Окажись у бандитов стволы, рискни те повоевать на Курском, обострись ситуация не попад... Что ж, как говорится, судьба оглянулась.

Семья улетела, а Олег остался жить по законам девяностых.

За кадром

*Стояли двое у ручья, у горного ручья,
Гадали двое — чья возьмет? А может быть — ничья?
Стояли двое, в дно вонзив клинки стальных мечей,
И тихо воды нес свои израненный ручей...*

О. Ладыженский

Соавторам удалось устроиться в издательство «Реванш». Кем только ни работали: техническими редакторами, художественными, главными... Кем угодно, лишь бы работать. Занялись переводами: Андерсон, Каттнер, Желязны, Азимов. Трудности? — подумаешь! Это ведь счастье, когда хобби превращается в любимую работу. Еще лучше, если в высокооплачиваемую работу. Но для сбора урожая время еще не пришло: пахать, пахать, пахать — и сеять. А иначе никак.

Практически одновременно были придуманы и воплотились в жизнь несколько проектов новеллизаций известных голливудских фильмов: «Чужие», «Бэтмен», «Американский ниндзя», «Горец», «Фантазм». Дима и Олег не занимались новеллизацией сами, но курировали эти проекты, постепенно собирая вокруг себя писателей — талантливых, но готовых творить под заказ.

Работа пошла, тираж «Чужих» под редакцией Громова и Ладыженского достиг 200 тысяч! Причем это не была просто черная потогонная работа пашущих на плантациях отечественного рынка литературных негров — книггеров (термин О'Санчеса). Занятые в проекте авторы делали свое дело душой. Например, к «Чужим» Марина Наумова придумала и дописала оригинальную и очень увлекательную 4-ю часть — фильма «Чужие-4» тогда еще не было даже в проекте! А «Чужие-4» от Марины Наумовой переворачивали весь цикл с ног на голову. Ну, или наоборот. Да и с чувством юмора у авторов проекта было все в порядке. Говоря проще, многие прикалывались, кто во что горазд. Например, «Американский ниндзя» начинался с фразы: «В лесу раздавался треск веток и шуршание листвы. Это ниндзя неслышно подкрадывались к своим жертвам». «Бэтмен» получился еще более хулиганистым. Но читателю нравилось, авторы работали с азартом, а значит, пока все шло как надо.

Принялись за «облитературирование» «Горцев». К тому времени в бывшем СССР знали три фильма из серии «Горец». Но народ был от восторга и требовал продолжения. Тогда Громов и Ладыженский решили повторить забавный, хоть и рискованный ход, опробованный на «Чужих»: предложили Григорию Панченко написать четвертый том. Он с удовольствием принялся за дело. И — сработало! Книги продавались «на ура». В общем, проект получился вполне успешным.

Постепенно росло мастерство, множился опыт, приходило необходимое понимание процесса. Не без удивления для себя Громов и Ладыженский осознали, что научились определять сорта бумаги на ощупь. Спросите, зачем это литературным редакторам, координаторам серий? Но в то время приходилось влезать абсолютно во все процессы издательского дела. Буквально от разработки плана будущей книги до контактов с типографией и грузчиками, занимавшимися транспортировкой книг в магазины. Не уследишь за ушлыми печатниками, а они уже развели краску керосином, и выходит не книга, а одно недоразумение. Поручишь несведущему человеку купить картон и бумагу, а ему на складе такое всучат... В общем, хочешь, чтобы было хорошо — делай сам. Плохо изданную книгу с опечатками, невыразительной обложкой или слепым текстом не примут книжные базы и магазины, а следовательно, все пойдет прахом, и в результате фирма в убытке.

Поняв, что проекты удаются, и начальство их работой более чем довольны, Дима и Олег предложили издать оригинальный сборник фантастики. А почему нет — новеллизации же «пошли»? Фантастика — популярный жанр, народ покупает.

Рискнем?

Рискнули — и в 1992 году вышел первый сборник серии элитарной фантастики «Перекресток»: «Живущий последний раз». Названа книга была по вошедшему в нее одноименному роману Громова и Ладыженского. В сборник, кроме наших героев и харьковского писателя Федора Чешко, вошли такие скромные писатели, как Генри Каттнер и Роберт Ирвин Говард. Собственно, к этому сборнику и родился псевдоним Олди. Почему Олди? «Ол» — Олег, «Ди» — Дима. Кроме того, Олди звучало «по-иностранному», что вполне сочеталось с Каттнером и Говардом. И еще соавторы опасались, что их длинные фамилии никто толком не запомнит. Вот и придумали Олди.

«Олди — это не имя, а собачья кличка,» — ответили им. Пришлось придумывать не только фамилию, но и имя.

«Сейчас уже не помню, за каким чертом мы окрестили Олди “Генри Лайоном”, — посмеивается Олег Ладыженский. — То ли Генрих Лев — герцог, сражавшийся с Барбароссой, то ли еще почему... Долгое время играли с буквами своих имен и фамилий, прикидывая и так, и эдак. Взяли опорные согласные фамилий: “Г”, “Л”. В общем, пошутили, не подозревая, что это затянется и, похоже, останется навсегда. Имя выстрелило, и сборник тиражом 55 000 ушел за пять дней “в живые деньги” со склада!»

Да, случается и чудо, и везение. А может, так и должно было произойти? Масса работы плюс безусловное коммерческое чутье, да еще особая магия кризисного времени, когда под твоими ногами открывается пропасть, и альтернативы две — падать или прыгать...

Почему бы и не возникнуть чуду!?

«...стараниями псевдо-эстетов и литературных функционеров стало вроде как стыдно “продаваться” (то есть быть востребованным читателем), а почетно — быть “непродаваемым”, запертым в своей башне из слоновой кости, — отвечали на вопрос о коммерческой литературе в интервью “Фантастика — литература свободных людей” наши герои. — Ну да ладно, бог им судья... Все-таки Шекспир — коммерческий автор. И Бальзак. И Булгаков. Если судить по тиражам, количеству переизданий, допечаток и переводов. Так что компания подбирается хорошая».

Сидя в издательстве, Олег, Дима и Александр Цыганенко, директор «Реванша», ждали машину с тиражом, чтобы разгрузить ее. Пятьдесят пять тысяч книг в твердых обложках — нехилый вес. Грузчиков не было, а невольные соучастники процесса — Каттнер, Говард и иже с ними — не спешили подставить свои плечи под типографские пачки.

Ладыженский, Громов и директор «Реванша» ждали уже несколько часов, а машины все не было и не было. Делать нечего, есть нечего. У Громова оказались в сумке два бутерброда, которые порезали на кусочки, употребив с пивом. Все проглотили до крошки, а тираж не везут.

Вдруг рядом с подъездом издательства остановилась «газелька». Выскочивший из нее торговец приметил курящих у подъезда друзей и заспешил к ним: «Вам коньяк “Белый аист” не нужен?» — не представляясь, не здороваясь. — Казенная партия. Не “паленка”, чистый, из Молдавии...»

«Нужен, но что за коньяк? Хорошо бы сначала попробовать...», — уныло схитрил Громов.

Торговец не дал ему продолжить. Вручив две рекламные бутылки и не потребовав даже расписки, он пообещал заехать завтра.

Хорошо, что в этот день машина так не пришла...

Обратная связь

*Чтение сделало Дон Кихота рыцарем, а вера в прочитанное
сделала его сумасшедшим
Джордж Бернард Шоу*

После успеха первого сборника серии «Перекресток» Олди составили еще пять книг, но судьба увидеть свет была уготована только двум из них, и то — в разных издательствах. Первый издатель вдруг ни с того, ни с сего занялся выпуском эротических романов, уверяя опечаленных Олди, что фантастика — это хорошо, но эротика дает больше прибыль. На этом он и прогорел. Говорят, позже торговал сигаретами...

А Громов и Ладыженский снова погрузились в переводы, параллельно пытаясь пристроить еще хотя бы один фантастический сборник. Предприятие отчасти увенчалось успехом: харьковское издательство «Основа» выпустило сборник «Сумерки мира», а издание «Книги Небытия» (где, кстати, дебютировал Андрей Валентинов с романом «Преступившие» из эпопеи «Око Силы») позже взяло на себя днепропетровское издательство «Сатъя-Юга».

Но все это слабо способствовало продвижению к читателю господина Г. Л. Олди, так замечательно проявившего себя на старте. Тем не менее, «дорогу осилит идущий». Посоветовавшись, Олег и Дима пришли к выводу, что придется вложить кровные и как-то издаться.

Собрав «переводческие» гонорары, они, уже поднаторев в издательском деле, выпустили себе два «покет-бука»: «Войти в образ» и «Дорога», тиражом по 999 экз. Почему такая странная цифра? А просто на тираж от тысячи экземпляров и выше нужно было ставить ISBN. Выпустили, порадовались и начали возить книги по конвентам и прочим сборищам. Тяжело, конечно... Самое удивительное, что как-то умудрились не только распродать обе книжки — для неизвестных авторов, можно сказать, подвиг, — но даже получить с этого кое-какую прибыль.

Конвенты — вообще отдельная тема в творчестве любых писателей. Это возможность приватного общения с людьми, говорящими на одном с тобой языке. «Узнаёшь мнения о своей книге — от ругательных до хвалебных. Понятное дело, хвалебные узнавать при-

ятно, но и в ругательных иногда можно почерпнуть что-то полезное. Нашли какой-то ляп? Отлично, спасибо, в переиздании его можно исправить. Почему бы и нет?»⁷ Опять же, полезные знакомства, можно поучиться у коллег, узнать, какое издательство серию собирается запустить или без идей мается, по креативчику соскучилось. А за ними, за Олдиями — никогда не заржавеет! Их за язык не тяни: сначала один разговоры разговаривает, другой силы копит, потом второй на любимого конька вскочил, пока первый связки восстанавливает.

Соавторы.

Параллельно рассылали письма в издательства с предложением своих романов, повестей и рассказов. В общей сложности, порядка полутора тысяч писем ушло; не обращая внимания на вежливые отписки, хамство или глухое молчание. Менее упорные люди, пожалуй, на первых пяти десятках уже сломались бы.

Олдиям же хоть бы что — держат удар. Хотя подчас и горько им, и обидно, тоже ведь люди, с нервами, с собственными проблемами, с амбициями. Они продолжают спокойно двигаться к избранной цели, время от времени находя в себе силы даже посмеиваться над получаемыми отзывами-рецензиями. Некоторые, особенно примечательные, аккуратно складываются в особые папочки, дабы перечитывать, когда вдруг сделается совсем невмоготу.

Одно из таких удивительных писем, с позволения Д. Громова и О. Ладыженского я приведу полностью:

Официальный ответ редакции журнала «Непоседа»

(от Г. Л. Олди: это не шутка, мы реально получили такое письмо в конверте редакции)

Д. Е. Громову и О. С. Ладыженскому
Адрес: Харьков, Центр, чуть левее

Уважаемые тов. Д. Е. Громов и О. С. Ладыженский!

Мы внимательно изучили ваши фантастические рассказы, выискивая в них самое лучшее. Но, к сожалению, вынуждены вас немного огорчить: рассказы нам не подошли. Мы не беремся строго судить о художественном достоинстве их, о ваших ошибках и удачах. Но когда мы в начале лета повесили в СП объявление, в котором приглашали фантастов к сотрудничеству, то поставили некоторые условия. Во-первых, рассказы должны быть не более 10 стр. машинописного текста, во-вторых, в них должно быть поменьше жестоких и «кровожадных» сценок, а побольше добра, юмора, движений. И — это мы как-то проморгали — мы хотели бы иметь рассказы советских (русских, украинских, отечественных) авторов. А так, читая эти рассказы, трудно сразу и понять, кто же их написал.

Неудобно писать это вам, но почти во всех рассказах засилье «иностранщины». Этой болезненной манией работать «под иностранца» страдали многие начинающие писатели. Тот же Юрий Казаков писал подобные — «иностранные» — вещи в молодости.

Чтобы вам стали более понятны наши требования, сообщаем, что наш журнал рассчитан на среднего «колхозника», среднего «труженика». А теперь представьте, приехали вы в какой-нибудь колхозный клуб и читаете

⁷ Г.Л.Олди «Десять искушений юного публиканта».

рассказ «Восьмой круг подземки». Написано, конечно, здорово, но реакцию зала можно отчетливо предсказать...

Т. е., рассказ, как и все другие, сильно «засорен» жаргонными словечками, нерусскими, сложными для понимания среднего нашего читателя. Ведь мы ориентируемся не на узкий круг фантастов-фанатов, а на «колхозника».

Если у вас имеются и другие рассказы (отечественные, без сложных головоломок) мы готовы рассмотреть и их.

Желаем вам новых творческих успехов и более реального взгляда на мир проблем литературы и изданий!

Редакция журнала «Непоседа».

Труднее всего — делать

Труднее всего — делать. Это значит — ошибаться. Это значит — уставать. Изыскивать средства. Собирать силы. Пахать, как вол. Надрываться, как проклятый. Стремиться к завершению. Пробивать. Строить. Создавать. Нет, не работать. Делать. Это значит — обзаводиться врагами. Привлекать советчиков. На любое дело советчики летят, как сами знаете кто сами знаете куда. Спорить. Доказывать. Нести. Выслушивать дурацкие шуточки. Узнавать, что если бы делали они, то сделали бы лучше. Давиться этим сволочным «бы». Бредить ночами чужим, злым, коровым: «А м-мы-ы б-бы-ы...» Спать вполглаза. Рвать жилы.

Генри Лайон Олди, «Кукольных дел мастер».

Тем временем Громов закончил аспирантуру, но защищать уже практически готовую диссертацию отказался, так как стало уже понятно, что на кафедре он не останется. Финансирование урезали, ставок больше не было. «Ставок больше нет», — как говорят в казино. Было жаль потраченного времени, тем более, что уже имелись три патента на изобретения, два из которых внедрены и до сих пор работают, принося экономический эффект, но...

Дмитрий снова оказался перед выбором: «литература или химия», и на этот раз однозначно выбрал даму Литературу, которой преданно служил все эти годы. Теперь, во имя её, он пускался в свободное и весьма рискованное плавание по бумажным волнам книжных изданий.

В 1994 г. в списки популярности «Великого Кольца» попали сразу три произведения Г. Л. Олди: роман «Войти в образ», повесть «Страх» и рассказ «Как погибла Атлантида». В результате рассказ «Как погибла Атлантида» добыл странствующим рыцарям, скрывающимся под единым на двоих именем, «Великое Кольцо» в номинации «рассказ». Второе место в номинации крупной формы («роман или повесть») — тоже неплохо, если учесть, что первое занял не кто-нибудь, а сам Святослав Логинов. Олди недобрали какие-то десятые доли балла, и это при 25-кратной разнице в тираже!

А вскоре под Харьковом и Санкт-Петербургом начались необыкновенные ролевые игры по романам «Сумерки мира» и «Живущий в последний раз». Необыкновенные уже потому, что прежде играли по произведениям Дж. Р. Р. Толкиена, или брали чисто исторический материал. Случай, достойный быть запечатленным во всех энциклопедиях фантастики.

В том же 1994 году повесть «Страх» и роман «Ожидающий на Перекрестках» заняли внеконкурсные призовые места на Лавкрафтовском конкурсе фантастики в Екатеринбурге. Конкурс проводился при участии представителей американских издательств. Последнее обстоятельство приносило хиленькую надежду быть замеченными за рубежом. Сделавша-

яся классической фраза великого комбинатора: «Заграница нам поможет» — будоражила воображение, учащая сердцебиение и порождая амбициозные мечтания... Что ж, как сказал в свое время поэт⁸: «Осталось за малым — добиться денег и славы». Только вот мечтать и делать — суть разные вещи. Поэтому по поводу своей очередной победы Олди особенно не шумели — дама Литература обидеться может. А просто продолжили писать, стучась во все издательства без исключения.

К 1995 году наконец-то начали переиздаваться переводные книги и по чуть-чуть закапали роялти.

Получив гонорар за первый перевод — «Операция “Хаос”» Пола Андерсона — Ладыженский купил себе болоньевую куртку, зимние, на хорошей подошве, ботинки; а Громов — первый в жизни видеоманитофон. Оба были счастливы, словно приобрели, как минимум, Версаль.

Жизнь улыбалась, впереди маячили новые интересные проекты. Ботинкам же, как выяснилось, не было сноса. Олег мужественно относил их лет двенадцать, ожидая, что те рано или поздно развалятся, и в конце концов выбросил, ибо не мог больше видеть.

Надоели.

Судьба видеоманитофона оказалась сходной: машина работала, как зверь, много лет, и сейчас еще работает — но уже не у Громова, а у его тестя.

Надежда, что ими все-таки заинтересуются издательства, реально вспыхнула в январе девяносто второго, когда Громов и Ладыженский попали на семинар знаменитого ВТО МПФ (Всесоюзное творческое общество молодых писателей фантастов), которым руководил Виталий Пищенко. Семинар проходил в Ялте. Там же состоялось знакомство с Василием Головачевым, Сергеем Лукьяненко, Святославом Логиновым и массой интересного люда. ВТО отличалось от прочих творческих объединений и секций тем, что лучшие представленные на семинарах рукописи издавались, а авторы получали гонорары. По всему выходило, что приложи наши герои еще немного усилий и...

Вскоре после распада СССР развалилось и ВТО. Не повезло.

В 1995 году рассказ «Мастер» получил премию «ФАНКОН-95» как «Лучший фантастический рассказ 1994-95 г.г.». Книги «Войти в образ» и «Дорога» (несмотря на малый тираж) были удостоены премии «СТАРТ» как «Лучшие дебютные авторские книги фантастики за 1994-95 г.г.».

Еще радость — сын Громова, Сережа, пяти с половиной лет отроду, надев сшитое мамой кимоно, гордо пошел первый раз в школу каратэ.

Если бы кто-то спросил дуэт Г. Л. Олди в 1995 году, как они видят дальнейшее свое существование, они бы, особо не задумываясь, ответили, что будут продолжать работать в жанре рассказа и заниматься переводами... А что еще остается делать в условиях, когда издатели занимаются всем, чем угодно, кроме издания авторов-соотечественников. Магия, эротика, советы по кулинарии, переводные ужастики, криминал... Из художественного берут исключительно иностранных, именитых авторов, чтобы наверняка. Иностранец — замечательный в коммерческом отношении вариант. Ему не надо платить, достаточно раздобыть rocket-book, сунуть его первому подвернувшемуся под руку переводчику, и тот сделает свою работу за гроши. Среди литераторов того времени бытовала горькая шутка: «вот когда издательства перестанут зарабатывать на плетении лаптей и лепке свистулеч, мы и...».

⁸ А.Смир «Шуризм и нехайкушки»

Олди продолжали заниматься редактурой и переводами, а параллельно писали своё. Время от времени удавалось что-то напечатать, но все это по капле, по чайной ложке. Так — немного порадоваться и продолжить мечтать об авторских книгах. В итоге первую авторскую книгу они ждали шесть долгих лет. Впрочем, в советское время авторов могли мариновать и десять, пятнадцать лет, так что Олди не впадали в отчаяние и продолжали упорно двигаться к выбранной цели.

На взлет!

*Звезды же сидят на черной лужайке космоса, в креслах-качалках,
попивают мятный ликер и смеются над попытками разглядеть их
истинную сущность.*

Потому что издалека ничего не видно.

А вблизи никто не может смотреть на звезду, не моргая.

Г. Л. Олди, «Ойкумена, книга 2»

В конце 1995 года, в преддверии великого книжного бума 1996-го, соавторам неожиданно написал человек, к которому они сами не обращались и о существовании которого не догадывались. Представляющий фирму «Полиграфист» из города Барнаула Константин Кайгородцев предложил издать авторскую книгу Г. Л. Олди, в которую войдут несколько произведений из цикла «Бездна Голодных глаз». Писатели сразу же согласились, и очень скоро в свет вышел том «Право на смерть», названный так по первой части романа «Дорога». Как признаются сами соавторы: «...книжки по нынешним временам бедные, хотя переплет и глянец...».

О выходе пяти тысячного тиража Кайгородцев сообщил Громову и Ладыженскому перед Новым Годом, обрадовав их известием, что уже загрузил полагающиеся им триста экземпляров (вместо гонорара за книгу ошалевшие от счастья соавторы согласились взять экземпляры). Книги были упакованы в коробки из-под сигарет и отправлены ближайшим поездом в Харьков.

И вот — ночь 25 декабря 1995 года. Пронизывающий ветер, снег с дождем или дождь со снегом. Под ногами лед и слякоть. Холодно. Поезд капитально опаздывает. Деваться некуда. Подняв воротники и засунув озябшие руки в карманы, писатели Дмитрий Громов и Олег Ладыженский ходят из конца в конец перрона, провожаемые подозрительными взглядами милиционеров и таможенников. Впрочем, никто не пытается заговорить с ними, спросить документы, хотя бы поинтересоваться, что они делают здесь в столь поздний час.

Наконец в три часа ночи приходит долгожданный поезд. Проводники, чертыхаясь, вытаскивают из вагона две коробки в человеческий рост — триста книг в твердых переплетах. Вес немалый. Осчастливленные соавторы из последних сил прут по перрону свои сокровища. Милиция и таможня провожают их заинтересованными взглядами. На коробках четко читается марка сигарет: «Мальборо». Что это, если не доставка в город крупной партии контрабандной табачной продукции? Ничего иного и не приходит на ум строгим блюстителям порядка. Отчего же в таком случае они бездействуют? Почему даже не пытаются остановить наглых контрабандистов, заработав благодарность начальства?

А вот как раз потому, что наглые. И раз проворачивают такое дело в открытую, ни перед кем не расшаркиваясь, ни от кого не прячась, стало быть, с кем надо уже договорились, сколько нужно заплатили. Лучше подобных господ не трогать, а сделать вид, будто бы их и не видишь вовсе. Будто бы снег с дождем, да дождь со снегом шлепают по заиндевшей платформе, перетаскивая приметный груз. Потому что, если начальство согласилось пропустить партию контрабандного товара, стало быть, и подходить к ним не смей, а то быстро назначат самых любопытных на роль ночных носильщиков. А им это надо?

Часть тиража в новогодние праздники была раздарена друзьям. Но и продать удалось немало. Хотя какие-то, пусть и небольшие, денежки выручили. Уже хорошо. А тут еще окрыленный первым успехом Константин Кайгородцев предложил издать книгу «Восставшие из рая». В общем, удачно старый год проводили, отлично новый начался; пошли дела. Да и не только у Громова с Ладыженским — грянул великий книжный бум 1996 года. Точно очнувшись от наведенного сна, издатели кинулись издавать русскоязычную фантастику. А у Олдей на руках как раз книжка — свеженькая, в твердом переплете, людям показать не стыдно. А раз есть, что презентовать, то и за приглашением дело не станет. И не куда-нибудь, а в Москву! Незадолго до описанных событий Александр Каширин открыл в «белокаменной» магазин «Стожары», в котором возникла традиция проводить презентации новых книг и устраивать встречи с писателями. На стеллажах — книги фантастики и фэнзины, которых и захочешь, а нигде больше не сыщешь. Тут же небольшая, но уютная кафешка, где, общаясь с братьями по разуму, можно заказать все что угодно, хоть виски «Джек Дениэлс» с привкусом путешествий во времени, хоть эль от мистера Клиффорда Саймака, хоть кофе с кексами по рецепту невысокликов, бережно сохраненному для нас оксфордским профессором англосаксонского языка.

В это чудесное место и пригласили Громова и Ладыженского в январе 1996 года — людей посмотреть, себя показать, да заодно поговорить о планах на будущее... Им же есть о чем рассказать, только что закончили роман «Герой должен быть один». Опять же, издатель Кайгородцев до Москвы лично добрался, в магазин книги по случаю творческого вечера не поленился доставить, да и соавторам еще малость авторских подкинуть. Наверняка лишними не будут. А перед тем решили по телефону, что в «Стожарах» за чашечкой кофе подпишут договор на «Героя».

Олди довольны: шесть лет подряд ни одной авторской книги — а тут одна вышла, вторая на подходе, на третью договор заключать едем... И вот — встретились с Кайгородцевым в «Стожарах». Только бумаги подписывать разложили, новые люди в кафе нарисовались, да не кто-нибудь, а представители крупнейшего издательства «АСТ». Подошли уверенно, взгляд — полтина, улыбка — рубль. Шлеп по столу собственным договором. В кафе народ затих, мухи не жужжат, кофе-машины не гремят. А над толпой писателей-издателей-читателей призраки Огромных Тиражей да Жирных Гонораров в воздухе повисли. Того и гляди, пойдут в пляс-перепляс, зазвонят штампами да печатями, заклацают золотыми зубами, запоют: «А, подайте нам Олди «Герой должен быть один», мы его в «АСТ» издадим».

Ясное дело, «АСТ» — контора серьезная, по тем временам вообще серьезней некуда. Мечта молодых авторов. Повезло!!!

— Ничего не получится, — опешили от такой неожиданной удачи и одновременно облома Громов и Ладыженский. — Мы роман уже отдали в Барнаул. Издательство «Полиграфист». Вот, кстати, издатель, просим любить и жаловать.

— Вы что, с ума сошли? Где Барнаул, а где Москва? Где книжный монстр «АСТ», и где хилый «Полиграфист»? — возмутились АСТ-шники. — Вы с ним договор уже подписали?

— Еще нет.

— Тогда о чем речь?!

— Мы слово дали, — мрачно констатировали Олди. — Вопрос закрыт.

Мало кто из авторов не польстился бы на тиражи и гонорары «АСТ». Те же, кто решились бы сдержать слово и отдать книгу в Барнаул, наверное, по гроб жизни вспоминали бы потом, как своим благородным решением поломали себе судьбы. Но Олди умудрились разыграть карту с «Герой должен быть один» еще раз — и выиграли.

— Мы можем сделать исключение для вас, — немного подумав, предложили они обалдевшим представителям «АСТ». — Давайте мы отдадим роман сразу в два издательства? И вы, и «Полиграфист» выпустите по тиражу, а?

Повозмущавшись, представители «АСТ» позвонили руководству — и вскоре дуэт Олди уже подписывал небывалый договор, по которому они передавали права на книгу сразу в два издательства. Подписали, ударили по рукам. Потом некурящий Ладыженский задержался в кафе с кем-то из фэнов, а Громов вышел на улицу, где дымили, болтая о своем, представители «АСТ» и «Полиграфиста».

«АСТ» (не заметив появления Дмитрия): — А вы не боитесь наших тиражей?

«Полиграфист»: — А вы не боитесь нашей оперативности?

И действительно, в результате «Полиграфист» издал «Герой должен быть один» ровно через три недели после подписания договора — без единой опечатки, без глюков в верстке, в нормальном оформлении и переплете. А «АСТ» традиционно протормозило.

Должно быть, от неожиданной деловитости, проявленной литературным дуэтом, шесть лет безуспешно преследуемая соавторами Фортуна вдруг оглянулась на Олдей, пытающихся догнать и окружить ее. И взгляд Фортуны был долгий и доброжелательный.

К ним обратилось издательство «Аргус» с предложением продать права на роман «Путь Меча». Окрыленные удачным опытом с «Героем», Олди параллельно пристроили ту же книгу в нижегородскую «Параллель», найдя общий язык и с Москвой, и с Нижним Новгородом — два уникальных случая подряд! («Тенденция, однако!» — подумал чукча из анекдота.) По уверениям Дмитрия Громова, пытались продать сразу в три, ибо уже появился спрос, но в три не получилось.

Тем не менее, результаты впечатляли. В январе и марте 1996 года книги Г. Л. Олди «Право на смерть» и «Герой должен быть один» заняли четвертые места в списке «фантастических бестселлеров» Москвы по рейтингу продаж (данные магазина «Стожары», газета «Книжное обозрение», №№ 6 и 12).

Из интервью «Азбука-вопросы»

Буква Ж

Жанр

— К какому жанру вы бы отнесли свои тексты? Почему? Жанр — это вообще важно?

— Жанром мы полагаем роман, рассказ, повесть и так далее. А фантастика, романтизм или, скажем, критический реализм — это направления литературы. Когда-то мы, задумываясь над собственным «местоположением», придумали такой термин: «философский боевик». Где слово «боевик» характеризует напряженность внешнего действия, а слово «философский» — напряженность действия внутреннего. Так и пользуемся с тех пор этим термином в отношении себя-любимых.

Хотя как только не называли наши книги. И центоном (есть такой лоскутный древнеримский «жанр»), и «мифологическим реализмом эпохи постмодерна», и гранд-гиньолом... Откровенно говоря, нас это мало беспокоит. Жаль только, что слово «фантастика» у многих сразу вызывает брезгливую ухмылку. Бедняги, они ведь не читали Гоголя и Гофмана, Булгакова и Грина, «Аэлиту» Алексея Толстого и «Трест Д. Е.» Ильи Эренбурга... Впрочем, снобы вообще редко читают.

В конце февраля — начале марта 1996 года издательство «Параллель» в серии «Хрустальный шар» выпустило большой том, в который вошли два романа: «Сумерки мира» и «Путь Меча». На той же неделе увидело свет черное «Аргусовское» издание «Пути Меча».

К слову сказать, книга «Путь Меча», погуляв по прилавкам не больше месяца, уже в апреле 1996 года скакнула сразу на второе место в списке «фантастических бестселлеров» («Книжное обозрение» № 18). А книга «Витражи Патриархов» в июне занимает пятое место («Книжное обозрение» № 25).

В мае Громов и Ладыженский отправились на питерский Интерпресскон, где собирались встретиться с представителем издательства «Азбука» Вадимом Назаровым. «Азбука» интересовалась новой книгой Г. Л. Олди, текст которой те должны были привезти с собой. Назаров планировал посмотреть распечатку, и, если понравится, взять. Предполагалось, что вопрос — будут или не будут издавать роман «Пасынки Восьмой Заповеди» — решится на конвенте или сразу после него.

С Назаровым Олди уже пытались сотрудничать, когда тот еще работал в «старом Северо-Западе» и планировал издать двухтомником «Бездну Голодных глаз». Были подписаны договоры, соавторы приехали в Питер за авансом и утверждением редактур, но знаменитый пожар уничтожил не только «Северо-Запад» и Дом писателя, где издательство, собственно, и располагалось, но и автоматически закрыл вопрос с изданием.

Теперь же выпадал еще один шанс.

Первый день Интерпресскона прошел в зв... в вз... в возлияниях. С кем не бывает? На следующее утро усталые, но вполне собой довольные Ладыженский и Громов сидели в номере, когда в дверь постучался незнакомец, представившийся Леонидом Шкуровичем из издательства «Эксмо». Через десять минут разговора соавторы вдруг синхронно осознали, что пришел хороший человек и издатель — в одном лице. Словом, они нашли друг друга.

Поинтересовавшись насчет «Пасынков Восьмой Заповеди», Леонид Шкурович спросил, не успели ли Олди подписать с кем-нибудь договор, не дали ли слово? И поняв, что вещь свободна, что Вадим Назаров хотел только посмотреть ее, сразу же предложил издать книгу в «Эксмо».

Это было началом многолетних дружеских и деловых отношений. Все проекты, связанные со Шкуровичем, быстро реализовывались, договоры мгновенно подписывались, без проволочек производились расчеты. Вместе разрабатывали оформление новых серий, вместе продумывали график выхода... За шестнадцать лет общения ни соавторы, ни издатель ни разу не подвели друг друга.

Да и сейчас продолжают дружить и сотрудничать.

На том же «Интерпрессконе-1996» роман Г. Л. Олди «Ожидающий на Перекрестках» занял третье место. Кроме того, в 1996 Дмитрий Громов и Олег Ладыженский вошли в номинационную комиссию таких престижных литературных премий, как «Интерпресскон» и «Бронзовая Улитка», что само по себе говорит о признании фэндомом друга Г. Л. Олди. В номинационных комиссиях этих премий они поселились надолго: с 1996 по 2005 год.

По итогам 1996-го писатель-фантаст Г. Л. Олди занял пятое место в хит-параде популярности русскоязычных писателей-фантастов (газета «Книжное обозрение» № 1 от 7 января 1997).

То яма, то канава...

Почему никого не удивляет обильное творчество И. С. Баха? А. Вивальди? Множество картин Тициана? Куча сыгранных ролей З. Гердта или А. Джигарханяна? Увы, это риторический вопрос. Сделай много — и ты обречен. Клеймо «коммерции» пылает на твоём лбу. Превратим его в звезду?
Г. Л. Олди, интервью «Фантастика — литература свободных людей»

«Эксмо» начало издавать серию «Абсолютная магия», в которой двумя первыми книгами вышли «Пасынки Восьмой Заповеди» Олди и новый роман Ника Перумова «Техномагия». Были подписаны договоры на переиздание книг «Герой должен быть один», «Бездна Голодных глаз», «Путь Меча».

Тогда же, в 1996–1997 годах, Олди начинают сотрудничество с харьковским издательством «Фолио», где у них выходят две книги. И, несмотря на огромную загруженность, Дмитрий Громов и Олег Ладыженский соглашаются войти в жюри литературной премии «Старт».

В общей сложности, в течение 1996 года у Громова и Ладыженского вышло десять авторских книг! Все, что копилось «в столе» шесть лет, ушло к читателю. За 1996–1997 годы были написаны романы «Черный Баламут», «Дайте им умереть» и «Мессия очищает диск». И уже в феврале роман «Мессия очищает диск» попал в списки бестселлеров Москвы среди художественной литературы всех жанров (девятое место). («Книжное обозрение» № 6 от 11 февраля). Книга первая эпопеи «Черный Баламут» («Гроза в Безначалье») заняла второе место по рейтингу продаж на московских лотках («Книжное обозрение» № 32), а в начале октября — второе место в рейтинге «фантастических бестселлеров» магазина «Стожары». Книга «Дайте им умереть» — там же — третье место. («Книжное обозрение» № 17 от 29 апреля).

Новые книги выходили без задержек, старые переиздавались и допечатывались. На фестивале фантастики «Фанкон-97», проходящем в Одессе, Олди получили сразу три литературные премии: премию КЛФ Израиля им. Моше Даяна «За синтез борьбы и искусства в фантастической литературе»; премию Союза Писателей Приднестровской Молдавской Республики — за роман «Герой должен быть один»; и премию Ассоциации русскоязычных писателей Израиля — за роман «Мессия очищает диск». А на Конгрессе фантастов России «Странник» (СПб) за роман «Пасынки Восьмой Заповеди» наши герои обрели «Лунный Меч» (жанровый «Странник», раздел «мистика и ужасы»). Да, «Лунный меч», один на двоих, и опоясались им! Почему нет? — делятся же они гонорами, а это гораздо сложнее!

С тех пор, как дела пошли в гору, Громов и Ладыженский работали практически без отдыха, постоянно обсуждая новые идеи, обмениваясь готовыми кусками текста, редактируя написанное ранее. Возникла насущная потребность поселиться поближе друг к другу. Обычно дорога от одного дома к другому — соавторы жили в разных районах города, но не слишком далеко друг от друга — занимала минут двадцать быстрым шагом. Прежде это казалось в порядке нормы, теперь каждая минута была на счету. Решили поменять квартиры.

Сказано — сделано. Вскоре Дмитрий Громов действительно продал свою квартиру на улице Данилевского и купил новую — на Пушкинском въезде, где жил Олег. Хорошая квартира, буквально в соседнем доме. Заселился, начал капитальный ремонт, и вдруг — невероятная удача — выясняется, что над ним точно такая же квартира продается.

Олег тотчас купил эту квартиру. Тоже начал ремонт. А его прежнюю жилплощадь хотел приобрести известный певец Вадим Муллерман. Но на тот момент певец был в Нью-Йорке и не мог сразу же оплатить покупку.

«Ничего страшного, — решил Олег, вкладывая все деньги, оставшиеся от изданий и переизданий, в масштабное приобретение. — Сейчас еще что-нибудь переиздастся. Потом подоспеет новый роман... Выкрутимся как-нибудь».

Вместо романа подоспел дефолт 1998 года.

Вот ведь счастье — в квартирах разруха, полы разобраны, потолки разобраны, деньги закончились, издательства стоят. Ни новых книжек, ни, тем более, переизданий. Ничего. А семьи Громовых и Ладыженских — между прочим, авторов, занявших 6-е место в хит-параде популярности русскоязычных писателей-фантастов за прошедший 1997 год — грустно сидят на руинах новых квартир.

Говорят, что когда ты поднимаешься, друзья смотрят на тебя, и ты видишь их радостные, восторженные лица. А вот когда стремительно несешься вниз... Впрочем, возможно, тут виновата скорость.

В тяжелое время к соавторам наведалься их друг Андрей Валентинов. Пришел, принес завернутый в газету сверток. Когда развернули, оказалось, что там деньги. «Не успел потратить с гонораров. Вернете, когда сможете», — сухо объяснил Андрей и удалился.

А кризис набирал силу. На целых девять месяцев были заморожены все издательские проекты. Забегая вперед, добавим: когда ситуация чуть-чуть улучшилась, и возобновились какие-то издания, гонорары упали в четыре раза.

По счастью, вскоре в Харьков вернулся Вадим Муллерман, новый хозяин прежней Олеговой квартиры, и Олди вернули долг Валентинову.

Тем не менее, проблема не решалась. Новых поступлений ноль, да тут еще и творческий кризис объявился. Взялись соавторы за новый роман «Нам здесь жить», а тот возьми, да и застрянь на трех авторских листах. Уперся в стенку и стоит. Пробовали его в одну сторону потянуть — забрели в такие глухие дебри, что не только читатель, а и сами авторы ничего не понимают. В другую — выходит тупой боевик, скукота писать.

Думали, гадали, как горю помочь, а потом вспомнили. Когда познакомились с Андреем Валентиновым в 1995 году, тот идею выдвигал: написать большой авторский проект, но чтобы писали в нем решительно все их общие знакомые фантасты. Тогда идея не прошла, своих задумок девать было некуда, а тут... В общем, вспомнили про Андрея — и к нему.

Вот, мол, тебе три листа текста. Читай, смотри, крути. Мы тебе не скажем, что хотели делать дальше, а то еще, чего доброго, в ту же стену упруешься. Найдешь выход из лабиринта — продолжим вместе.

Валентинов забрал текст и через неделю явился с самым неожиданным решением. Обрадовались Олди и сели втроем с Валентиновым роман писать. А когда написали — тут «ЭКСМО» дорогое и любимое очнулось. И запросило, есть ли чего свеженького. В издательстве как раз новая серия забрезжила: «Нить времен». Двухтомником «Нам здесь жить», написанным в соавторстве с Андреем Валентиновым, она и открылась.

Авторская вышла серия: Олди, Валентинов, а позже — Дяченко.

После возмущенные читатели долго еще будут заваливать Громова и Ладыженского просьбами: не писать больше в соавторстве с Валентиновым никогда — дескать, это ужасно. С поклонниками творчества Олдей были полностью согласны фэны Андрея Валентинова — с той, однако, разницей, что просили и умоляли писателя не связываться больше с Громовым и Ладыженским. В результате роман вошел в «золотой фонд русской фантастики» и был переиздан множество раз.

«У нас вообще каждую новую книгу принимают в штыки, причем заявляют, что все предыдущие были гениальные, а новая никуда не годится, — объясняют ситуацию Олди. — Потом выходит новая, предыдущая зачисляется в гениальные, а новая не нравится».

Обычно писатель средней руки пишет на определенные темы, рассчитанные на известную и изученную им аудиторию. Читатель в восторге, ведь ему говорят о том, что он понимает, и чего ждет. А если не понимает, то поймет на втором, третьем, двадцать первом томе. Ситуация большой деревни: «Хочу в Санта-Барбару, я там всех знаю!». Для простоты представим, что живет писатель N в легендарной Санта-Барбаре, и пишет он исключительно о Санта-Барбаре, исходя из вкусов и пристрастий ее жителей, которые год за годом «хавают» стряпню писателя N. Предположим, что в один из дней писателю N обрыдла Санта-Барбара, и он решил маленько попутешествовать по карте Калифорнии и написать про городок Калабасас. Жители Санта-Барбары в шоке — писатель предал их идеалы!.. Впрочем, некоторая часть особо горячих поклонников творчества N смиряется с неизбежным, пытается освоить реалии другого города. При этом они вынуждены постоянно сравнивать Санта-Барбару и Калабасас, ворочаясь в непривычных для них условиях.

Олди могут написать и о Санта-Барбаре (почему бы и нет, было бы желание), могут скакнуть не только в пространстве, но и во времени. Древняя Индия — пожалуйста, со всеми ее реалиями и божественным санскритом, который в их передаче делается вполне понятным и даже как будто знакомым. Греция, Россия... да хоть открытый космос, Рай, преисподняя или начисто придуманный мир... Привыкший к определенности читатель теряет голову. Они уже вполне смирились с блатной символикой «Мага в Законе», помноженной на поэзию, стилизованную под Серебряный век; выучили, врубились, и требуют продолжения — мира, в котором они все понимают, и могут говорить с авторами чуть ли не на равных. Но писатели уже отыграли своего «Мага» и рвутся к следующим вершинам. То вдруг им становится недостаточно общества друг друга, и тогда на сцену выходят другие лица: Марина и Сергей Дяченко, Андрей Валентинов... Принципиально непохожие друг на друга авторы со своими мирами и тараканами в них. А эти вновь прибывшие тараканы не просто замерли в витрине зоомагазина, позволяя себя рассмотреть со всех сторон, а наоборот: разбегаются по еще вчера таким привычным и не таящим опасности текстам. Да что там тараканы... Олди умудрились в разных книгах говорить на принципиально разных языках! Как это возможно, спросите их? Или того круче: специально после прочтения «Черного Баламута» полистайте «Санскрит для чайников» — много словечек сыщете, «олдовых», старых, которые, послушные писательской магии, становятся новыми «олдёвыми»!

А когда вдруг поймаете себя на том, что желаете этот самый санскрит изучить или, не дай бог, что-то на нем создать, вот тут «коготок увяз — всей птичке пропасть». Действуйте, но только Олди вас ждать не станут. У них уже новые горизонты, новые идеи, новый древний язык.

Впрочем, при всей глубине погружения в материал, соавторы то и дело весело выпрыгивают из ткани его, дабы неожиданно вставить туда шутку, словно бы вырванную из нашего мира. Или, на удивление взыскательной публике, допускают повторения знаковых фраз, успевших стать культовыми — прием, напоминание, отсылка, мостик в прошлые произведения.

Любой новый роман Г. Л. Олди — это смелый и весьма рискованный эксперимент, на который, несмотря ни на что, идут соавторы. Снова и снова бросаются на ветряные мельницы и побеждают в конечном итоге злобных демонов косности, ложной традиционности, предубеждений.

«Мы меняемся. С каждым днем. Мы хотим попробовать, ошибаться, находить, делать и видеть, что это получается, а это — нет, и надо пробовать заново. Тогда мы чувствуем, что живем. Мы хотим всякий раз начинать заново, а не “доить тему”. Да, прекрасно знаем, что

у «Пути Меча-2» исходный тираж будет много выше любой новой, неожиданной книги — хотя бы потому, что сейчас время сериалов.

Не загоняйте нас дважды и трижды в одну и ту же реку. Даже из самых лучших побуждений — не надо. Вечное Вчера — не самое лучшее место для жизни». — Из ответов Громова и Ладыженского на вопросы «Книжник-ревью».

В 1999 году страна немного очухалась от дефолта, но издатели все еще экономили, на чем только могли — и в первую очередь, естественно, на авторах. Тем не менее, что-то уже издавали. Оживал книжный рынок, задышали, зашевелились писатели. Подняли две умные головы и Олди. Проморгались, осмотрелись и вдруг на удивление всем, вместе с председателем харьковского КЛФ «Контакт» Николаем Александровичем Макаровским, организовали в Харькове фестиваль «Звездный Мост». Не конвент в строгом смысле этого слова — городской фестиваль.

Готовились, не очень-то веря в саму возможность реализации задуманного. Очень уж беспокойное время, зыбкая почва под ногами. Того и гляди, обернется благородная идея бездной, волчьей ямой, коммерческим и организационным провалом. Страшно, а ничего не попишешь: «назвался груздем — лечись дальше». Призы делали едва ли не из подручных средств. Спасибо, помог знакомый скульптор Антон Дербилов — отлил призовые «кадуцеи» из олова и покрасил под «золото», «серебро» и «бронзу» — на настоящие благородные металлы денег попросту не было. Гостей собирали Великой Паутиной и бумажными письмами, раскидывали сети, обещали праздник. Буйство прозы и стиха, звезды в небе, танцы до упаду.

Есть один удивительный месяц в году,
Этот месяц все любят и ждут,
Говорят, будто в Рим все дороги ведут —
Ерунда! Они в Харьков ведут.

Фантастика
Осенних харьковских аллей,
Фантастика
Твоей эпохи, Водолей,
Фантастика —
За облака, до самых звезд
Нас возвышает
«Звездный Мост»!

Больше всего боялись, что вообще никто не приедет. В назначенный день на первом «Звездном Мосту» собрались семьдесят человек. Тогда казалось, что это очень много. Как же им всем были рады!

Есть один удивительный праздник, друзья,
О котором не вспомнить нельзя,
Говорят, что трудна у фантаста стезя —
Ерунда! Нам года не грозят!

Фантастика

Не знает рамок и границ,
Фантастика
Летит на тысячах страниц,
Фантастика —
Я поднимаю этот тост
За вас, друзья,
За «Звездный Мост»!

Провели. Понравилось. Решили проводить и дальше. Позднее к этой идее подключился местный бизнесмен Арсен Борисович Аваков. Спасибо ему!

На первом же «Звездном Мосту» Г. Л. Олди получили третье место и «Черный пояс» первого дана премии «Мастер Фэн-до» (за роман «Мессия очищает диск»).

«Что за “Черный пояс”, и почему вдруг в название литературной премии проскальзывает восточно-спортивная терминология?» — возмутится кто-нибудь из наших читателей. За что это здесь черные пояса дают?!

На самом деле все просто: организаторы «Звездного Моста» придумали новый, необычный, но сразу же полюбившийся участникам конвента конкурс. Дело в том, что практически во всех фантастических произведениях присутствуют сцены боев. Крупные специалисты по «мордобитию» Громов и Ладыженский, а также их не менее искушенные в оном коллеги, выбирали самые интересные драки из фантастических произведений. А затем эти драки «ставились» и театрально разыгрывались силами местной школы каратэ.

На конвенте зрители смотрели и голосовали, какая лучше.

На первом же «Звездном Мосту» самой интересной дракой была признана сцена из романа Александра Громова «Мягкая посадка». К радости зрителей, в одном только этом эпизоде об инструктора боевых искусств были сломаны: швабра, пластмассовое ведро и еще целый ряд полезных бытовых предметов. Причем все ломалось по-настоящему. Народ веселился, падая со стульев и требуя повторить действие на бис. Довольный произведенным эффектом инструктор почесывал многострадальную спину, а уборщицы под гром оваций дружно прятали оставшийся рабочий инвентарь.

В эпизоде романа «Мессия очищает диск» Дмитрий Громов исполнял роль судьи, на которого напали разбойники. Вначале он честно отбивался, но был сбит с ног. Под хохот и восторженное улюлюканье, автора начали избивать ногами и били до тех пор, пока на помощь ему не пришел «буддийский монах» — один из учеников Олега Ладыженского, который блистательно разогнал вражескую «шоблу».

В том же году, на «Зилантконе» в Казани, роман «Путь Меча» был удостоен премии «Большой Зилант». Самое время забронзоветь, провозгласив знаменитое: «Я — памятник себе!», или быть может «Мы — памятник себе!» Красивый получился бы финал, но наши герои отнюдь не спешат к финишу. Им важен процесс, им по-прежнему необходимы движение и скорость. Да и дама Литература не жалуется ленивых зазнаек. И то — премии премиями, а книжный рынок пока еще из ступора окончательно не вышел, хоть пинай его, хоть откачивай. Вот и приходится подпихивать да поддерживать, привлекать внимание общественности к отечественной литературе, подтягивая новых интересных писателей и главное — читателей! — без них ведь никак. Нужны не только книги, но и праздники, шоу, встречи с читателями, пресс-конференции — молодые авторы не должны чувствовать себя забытыми.

С 2000 года соавторы вошли в жюри премии «Аэлита», а также Приза им И. А. Ефремова. Олди работали, занимались общественной жизнью, тянули, точно застрявшую в болоте телегу, свою непростую писательскую судьбу, пока колеса ее не выкатились на

относительно твердую почву. Где-то начиная с двухтысячного, книжный рынок постепенно пошел на разгон. Вдохнули Олди, пот утерли — но отдыхать ни-ни, какой отдых, все только начинается! Сразу же новый роман затеяли.

Некоторые читатели, да и не только читатели, а, что совсем печально, писатели считают, будто литературная работа — это только книги писать. А уже другие должны это дело проверять, редактировать, рисовать иллюстрации, писать аннотации... Весьма вредное заблуждение, особенно для господ писателей.

Для Дмитрия Громова и Олега Ладыженского литературная работа — это не только написание собственно текста. Это, например, еще работа с художником, который читает книгу и высылает авторам эскизы. Но присланные варианты еще не залог того, что их непременно утвердят. Это начало работы, а не ее финал. Вместе с художником Олди отбирают лучшие, наиболее выигрышные композиции. Художник снова и снова принимается за работу с учетом всех оговоренных пожеланий, затем высылает промежуточные эскизы оформления обложки, иллюстраций. Но и это не последний этап. Нужно найти золотую середину, консенсус, и только после этого, путем многих проб и ошибок, художник приступает к созданию собственно обложки.

Аннотации соавторы, как правило, пишут сами.

В издательском деле обычно используется до боли известная схема: «слепой ведет слепого». Книжки оформляют и продают те, кто их не читал. Мне могут возразить литераторы, что, де, издатель сознательно не подпускает автора текста к работе над оформлением книги. Иначе писатели ни за что не допустили бы монстров, голых баб и пышущие огнем звездолеты на свои обложки. Но, если называть вещи своими именами, книжки — наши дети, и некоторые авторы вынашивают свои произведения не девять месяцев, а год и больше. Отчего же такое пренебрежительное отношение к тому, в каком виде любимое чадо появится в этом мире?

«Слепой» художник, — в смысле, не читающий произведение, а знающий лишь в общих чертах, в какое время происходит действие, и мужчина или женщина должны быть на обложке. «Слепой» аннотатор, также не имеющий представления о тексте книги — этому редактор объяснил вкратце, о чем речь. Не читать же огромный том ради нескольких строчек? В результате, несколько ярких рекламных слов, больше похожих на слоганы колхозного рынка, и дела никому нет до того, что в аннотации перепутано все, что только можно было перепутать.

Аннотатору же и горя мало. Он не только «слепой», но и невидимый. Аннотации в подавляющем большинстве случаев не подписываются.

И в результате автор-родитель, может, и неплохой книжки получает в роддоме издательства не аккуратно запеленатого прекрасного крепыша, а уродо-ублюдка, которого квалифицированный читатель и в руки-то побрезгует взять: с отталкивающей обложкой, с глупой, содержащей ложные сведения, аннотацией. Ведь как просто было всего этого избежать: автор не только приносит рукопись в издательство, но прописывает в договоре свое право участия в оформлении книги. А дальше... пусть даже автор и издательство находятся в разных городах или даже странах. А Интернет на что?

Далее следует финальная работа с книгой: издатель высылает макет, писатель его смотрит, вносит исправления, отправляет обратно. И только после этого книга может отправляться в типографию.

Трудно перечитать собственную книгу перед типографией? Насколько мне известно, Олди не жалеют времени на эту работу.

В последние годы книжки Г. Л. Олди чаще всего оформляет харьковский художник Владимир Бондарь. Забавная ситуация: с харьковчанином Бондарем харьковчан Громова и

Ладыженского впервые познакомил в Питере на «Интерпрессконе» Сергей Лукьяненко — москвич, переехавший в столицу из Алма-Аты. Вот такая интернациональная история знакомства.

Одно плохо — при столь напряженной литературной жизни театр уже не потянуть. Не успеть, а жаль. Отпустили друзья гордую птицу по имени «Пеликан», а иные говорят, будто бы зарезали, в жертву Великой богине Словесности в лютую полночь на темном перепутье принесли, и пуще прежнего за дело принялись.

Каратэ, впрочем, оставили. Ужилось оно с дамой Литературой.

Год пронесся, точно его и не было. В 2000-м, на втором по счету «Звездном Мосту», написанный в соавторстве Г. Л. Олди, А. Валентиновым и М. и С. Дяченко роман «Рубеж» занял первое место в номинации «Крупная форма». На том же фестивале роман Г. Л. Олди и А. Валентинова «Нам здесь жить» был удостоен премии Университета внутренних дел МВД Украины (г. Харьков) «За правдивое и высокохудожественное отражение работы органов охраны правопорядка и спецслужб в фантастических произведениях».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.